

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

**ОТРАЖЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В АНГЛИЙСКИХ
ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа Образование в области иностранных языков
очной формы обучения, группы 02051621
Твердохваловой Марии Дмитриевны

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент
Зимовец Н.В.

Рецензент:
к.ф.н., доцент
кафедры иностранных
языков Белгородского
университета кооперации,
экономики и права
Алешкевич С.С.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретические проблемы исследования пословиц	8
1.1. Пословицы как объект исследования фразеологии.....	8
1.2. Картина мира и языковая картина мира	16
1.3. Многомерный характер картины мира и пословицы.....	20
1.4. Пословица как отражение повседневной жизни.....	30
1.5. Исследование метафор в когнитивной лингвистике. Метафора и пословицы.....	35
Выводы по ГЛАВЕ I	43
ГЛАВА II. Интерпретирующее значение английских пословиц, отражающих психологические процессы	46
2.1. Понятие о психологических процессах.....	46
2.2. Специфические психологические процессы в английских поговорках	49
2.3. Универсальные психологические процессы в английских поговорках.....	60
2.4. Эмоции и чувства в английских поговорках.....	70
Выводы по ГЛАВЕ II	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	91
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	94
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	101

ВВЕДЕНИЕ

Пословицы представляют собой многоплановый феномен. Интерес лингвистов к пословицам связан с тем, что, являясь элементом духовной культуры, они несут богатство смысла, обладают семантической емкостью и в лаконично исчерпывающей форме отражают восприятие мира народом, владеющим соответствующим языком. Поэтому пословицы постоянно попадают в поле зрения отечественных и зарубежных ученых.

Английские пословицы собираются и изучаются на протяжении нескольких веков. О первой коллекции английских пословиц известно с 1546 года.

В настоящее время изучение пословиц идет по следующим направлениям: фольклор (В.П. Аникин), паремиология (Г.Л. Пермяков), фразеология (А.В. Кунин), лингвострановедение (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Ю.Е. Прохоров, В.П. Фелицына), лингвофольклористика (В.П. Харитонов, А.Т. Хроленко). Разнообразие направлений объясняется смысловой емкостью этих языковых единиц, воплотившей разносторонние, часто противоречивые признаки.

Когнитивный поворот, произошедший в лингвистике пару десятилетий назад, обусловил появление нового подхода к рассмотрению языковых единиц, в том числе и пословиц. Прежде всего, актуальным на современном этапе для когнитивной лингвистики считается антропоцентрический подход. Освоение лингвокультурологического способа изучения языковых единиц, разработка концептуального анализа привели к публикации значительного количества монографических и диссертационных работ по проблемам лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (Кубрякова 1994; Краткий словарь когнитивных терминов 1996). Большая часть из них ориентирована на лексический и собственно фразеологический фонд языка (Вернер 1997; Вильмс 1997; Каштанова 1997; Ковшова 1996; Сандомирская 1994; Сумин

1999; Феоктистова 1994 и мн. др.). Подходы к анализу пословиц с позиции культурологи и когнитивной лингвистики (Борисова 1999; Телия 1996; Сикевич 1996) пока имеют лишь фрагментарный характер и находятся на пути развития (Андреева 1995; Белопольская 1994; Дмитриева 1997; Дронова, Путилина 1998; Красавский 1996; Кубрак 1996; Савенкова 1996; Слышкин 1997 и др.). Многие проблемы, связанные с интерпретационным потенциалом пословиц, их культурно-национальной спецификой, до настоящего времени не получили должного освещения.

Исследование пословиц с точки зрения информации о психических процессах, объективированной ими, вообще не велось, в таком ракурсе, что делает данный аспект изучения научной новизной.

Для общей теории языкознания будет играть важную роль рассмотрение пословиц с позиций когнитивной лингвистики, поскольку именно этот подход раскрывает интерпретационный потенциал данных языковых единиц.

Актуальность темы следует, прежде всего, из необходимости изучения пословиц как языковых единиц, воплощающих языковую картину мира англоязычных представителей, их менталитет. Пословицы несут в себе как отображение действительности, так и выражение отношения носителей языка к окружающему миру, передают от поколения к поколению культурно-национальную специфику и традиции народа, говорящего на данном языке.

Диссертационное исследование связано с необходимостью исследования национальной специфики, заложенной в пословицах, и тем, что оно позволяет уточнить некоторые проблемы взаимоотношения языка и культуры, что расширяет устоявшиеся представления о пословицах, их месте в филологии.

Пословичный материал дает возможность взглянуть на мыслительную деятельность определенного лингвокультурного общества. Концептуальный анализ пословиц вскрывает культурно-национальное в английской языковой ментальности и становится значительным вкладом в общие теоретические и

практические проблемы отечественной филологии в целом, вносит вклад в совершенствование методики проведения лингвокультурологического анализа.

Объектом исследования является пословицы английского языка.

Предметом нашего исследования стала имплицитная или эксплицитная информация о различных психических процессах.

Цель данной работы состоит в выявлении метафорических особенностей английских пословиц, информирующих о психологических процессах.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- определить понятия «пословица», «метафора»;
- описать отличительные признаки пословиц;
- рассмотреть источники происхождения пословиц;
- методом сплошной выборки отобрать в словарях английских пословиц и поговорок паремии, содержащие обозначения психологических процессов;
- определить особенности метафорики паремий с обозначением психологических процессов в английском языке.

Теоретическая основа работы. Данное исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики в рамках антропоцентрического подхода. Оно основывается на положениях когнитивной лингвистики о языке как особой когнитивной способности человека, о динамичности процесса языковой концептуализации, о нетождественности концептуализации и способности языка создавать вариативные способы представления одного и того же содержания (Н.Н. Болдырев, Р. Джекендофф, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, А.В. Кравченко, Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.)

К изучению языковых единиц, характеризующих психологические особенности человека, неоднократно обращались и обращаются лингвисты, фольклористы, литературоведы и философы (Афанасьевский 1990; Бахвалова

1993; Ковшова 1999; Леонтьева 1998; Никитина 1996; Соколова 1995; Убийко 1998). Пословицы, отражающие психологические процессы были выбраны нами не случайно. Интересно изучить самопонимание, менталитет англичан на материале пословиц, описывающих психическую деятельность человека.

Фактический материал для исследования был получен в результате анализа данных лексикографических источников, онлайн-словарей, корпусов примеров английского языка, источников современной английской литературы. Собранный материал включает устойчивые выражения, употребляющиеся носителями английской лингвокультуры, возникшие на основе различных психических процессов, и подвергшиеся процессу метафоризации. Этот разносторонний материал дает возможность наиболее полно решить поставленные цели.

Цель и задачи работы определили использование следующих **методов и приемов**: анализа словарных дефиниций, концептуально-репрезентативного анализа, интерпретации, концептуального анализа.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в том, что они способствуют раскрытию механизмов языковой концептуализации психологических процессов, а также когнитивных механизмов и дополнительных лингвистических факторов, обеспечивающих формирование метафорических смыслов в рамках пословиц. Полученные результаты углубляют представления о специфике формирования, структуре и содержании метафоры в современном английском языке.

Практическая значимость работы заключается в дальнейшей разработке методики анализа языковых явлений в контексте основных познавательных процессов. Практическая значимость исследования определяется также тем, что полученные результаты могут быть использованы в курсах по общему языкознанию, спецкурсах по когнитивной лингвистике, в научно-исследовательской работе студентов, в процессе преподавания английского языка.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования излагались в ежегодных докладах на заседаниях кафедры английского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета (2016-2018 гг.)

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав и списка литературы.

Во введении дается общая характеристика работы, обосновывается выбор темы, определяется цель и в соответствии с нею – конкретные задачи исследования, мотивируется ее актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов, приводятся сведения об апробации работы.

В первой главе «Теоретические проблемы исследования пословиц» рассматриваются существующие подходы к изучению пословиц в современной зарубежной и отечественной лингвистике, определяются направления и теоретические основы исследования, обсуждаются базовые понятия и термины.

Во второй главе «Интерпретирующее значение английских пословиц, отражающих психологические процессы» непосредственно осуществляется анализ языковых средств, участвующих в концептуализации психологических процессов на лексическо-синтаксическом уровне с применением данных толковых словарей, этимологических словарей и синонимов. Описываются средства репрезентации прагматических характеристик концепта ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ. Рассматриваются когнитивные механизмы фокусировки внимания и интерпретации для формирования новых смыслов. Определяется роль контекста и метафоры в их актуализации.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования, излагаются основные выводы.

ГЛАВА I. Теоретические проблемы исследования пословиц

1.1. Пословицы как объект исследования фразеологии

Исследование любого лингвистического явления требует определения его понятия. Рассмотрим, как трактуют словари и энциклопедии понятие «пословица». Например, в словаре С.И. Ожегова «пословица – это краткое народное изречение с назидательным смыслом; народный афоризм, а поговорка – краткое устойчивое выражение, образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» (Ожегов, 2006).

Составитель словаря русских пословиц В.И. Даль определяет пословицу так: «пословица – коротенькая притча. Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. Например: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы (Даль, 2006:142).

Т.Ф. Ефремова приводит следующую словарную статью: «пословица – меткое образное изречение, обычно ритмичное по форме, обобщающее, типизирующее различные явления жизни и имеющее назидательный смысл», а «поговорка – распространенное меткое, образное выражение, не являющееся – в отличие от пословицы – цельной фразой, предложением (Ефремова, 2005:162).

Из этих определений, очевидно, что пословица – это народное устойчивое ритмичное и краткое по форме выражение, изречение, несущее обобщенный вывод. А поговорка – краткое, меткое, устойчивое выражение,

не являющаяся цельной фразой, и не несущая поучительный смысл (Даль, 2006: 79).

Пословицы и поговорки представляют собой отражение национальных особенностей. В пословицах и поговорках находят выражение свойственный народу склад ума, способ суждения, особенности мировоззрения; быта и обихода, духа и характера, нравов и обычаев, верований и суеверий. Пословицы и поговорки очень наглядно передают образ жизни, историю и традиции той или иной народности, объединенной одной культурой.

Известно, например, что для англичан актуальными темами являются внешность, фигура, черты характера, ситуация жизни. Пословицы и поговорки часто строятся на сравнении, как правило, человек сравнивается с природными явлениями, животными.

Поговорка имеет общие черты с пословицей, но в отличие от пословицы, она не представлена полным суждением, а является его частью.

Пословица – короткое предложение, содержащее народную мудрость. Пишется простым народным языком, часто обладает рифмой и ритмом.

Поскольку пословицам присуща устойчивость, то данными единицами языка занимается фразеология.

Фразеология (анг. Phaseology, гр. phrasis – «выражение», logos – «наука») – раздел лексикологии, изучающий устойчивые (постоянные) сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением. «Фразеология изучает только такие существующие в речи сочетания слов, общее значение которых не равно сумме отдельных значений слов, составляющих фразеологический оборот («дать на лапу» – дать именно взятку, а не что-либо иное)» (Амосова, 1989: 32).

Задачей фразеологии как лингвистической дисциплины является всестороннее изучение фразеологического фонда того или иного языка. Важными аспектами исследования этой науки являются: устойчивость фразеологических единиц, системность фразеологии и семантическая структура фразеологических единиц, их происхождение и основные

функции. Отдельную сложность для фразеологии представляет перевод фразеологических единиц с одного языка на другой.

Фразеология использует такие методы исследования, как например, компонентный анализ значения. Этот раздел лексикологии располагает различными типами классификаций фразеологического состава языка в зависимости от особенностей фразеологизмов и методов их исследования (Кунин, 2001: 57).

Даются следующие толкования фразеологизмам: «Фразеологизм, или фразеологическая единица – устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание, выполняющее функцию отдельной лексической единицы. Фразеологизм употребляется как целое, готовое сочетание слов, не подлежащее дальнейшему разложению и обычно не допускающее внутри себя перестановки своих частей» (Смит, 1998: 87).

«Фразеологизм – неотъемлемый и особо выделенный компонент языка, самый яркий, своеобразный, необычный, индивидуальный, культурно значимый и национально специфичный, способный концентрированно выразить не только особенности данного языка, но и его носителей, их мироощущение склад ума, менталитет, национальный характер и стиль мышления» (Захарова, 1999: 157).

К фразеологизмам традиционно относятся следующие типы единиц:

- Идиомы – абсолютно неделимые, неразложимые устойчивые сочетания, общее значение которых не выводится из значения составляющих их слов, в их состав часто входят историзмы и архаизмы: *kick the bucket* (разг.) – загнуться, умереть; = протянуть ноги; *send smb. To coventry* – бойкотировать кого-либо, прекратить общение с кем-либо; *at bay* – загнанный, в безвыходном положении; *beat smb. 's back and call* – быть всегда готовым к услугам; = быть на побегушках и т.п.

- Коллокации (*collocation*) – совместное расположение двух слов или групп слов, обладающее признаками синтаксически и семантически целостной единицы, в которой выбор одного из компонентов осуществляется

по смыслу, а выбор второго зависит от выбора первого. Например, *strong tea*, *heavy drinker*, проливной дождь, принимать решение, ставить вопрос.

- Пословицы, поговорки: *тише едешь – дальше будешь*, *не в свои сани не садись*, *вот тебе, бабушка, и юрьев день*; *лед тронулся!*;

- Грамматические фразеологизмы: едва не; чуть не; как бы там ни было.

Устойчивые выражения – это структуры с предикативной связью единичных конstituентов, значение которых является результатом семантического переноса или расширения значений всех компонентов.

Например: прямой путь является самым коротким. Обжегшийся ребенок боится огня.

Среди устойчивых выражений различают 2 группы:

- а) пословичные предложения;
- б) пословицы.

Пословичные предложения имеют подобное другим фразеологизмам семантическое единство.

Это обычно результат метафорического или метонимического переноса обозначений, а также расширение значения. Сравним: *Вот где собака зарыта* (это истинная причина, это суть дела). *И на старуху бывает проруха* (всякое бывает).

С семантической точки зрения эти высказывания обладают характеризующим или оценочным значением. Оценка может быть положительной или отрицательной, уничижительной. Примеры положительной оценки:

A word is enough to the wise.

Примеры уничижения или неодобрения:

A fool's tongue runs before his wit.

Привязка к контексту обеспечивается местоимением или местоименным наречием. Они структурно устойчивы и их нельзя заменить другими местоимениями:

Fools never know when they are well.

Некоторые пословичные выражения могут выполнять функции междометий. Они очень идиоматичны и немотивированны, например:

Dear me! (Выражение удивления)

We've done it! (Восклицание радости)

Пословицы имеют принципиальное отличие. Их семантика возникает не путем прагматизации конstituентов, а посредством обобщения жизненного опыта человека. Они принадлежат к фольклору.

Следующие особенности дают возможность включать пословицы в разряд фразеологизмов:

1) их воспроизводимость;

2) единая связь конstituентов;

3) принадлежность к логически-синтаксическому типу фразеологизмов: существуют определенные «логические правила», которые реализуются в языке и дают всю серию синонимических пословиц, например: правило гласит «тот, кто поддерживает это дело, больше не может дистанцироваться от него». Языковые реализации будут:

Кто говорит А, должен сказать и Б.

Кто хочет лошадь, должен также взять бразды правления.

Тот, кто пьет вино, должен также пить дрожжи.

Кто приходит в игру, должен также играть.

Пословицы называют комментирующими знаками, поскольку они обобщают и оценивают контекст.

Языковое формирование пословиц происходит с использованием следующих стилистических средств:

– метафоризация, например: *Не все золото, что блестит.* (*Не все, что внешне красиво, также внутренне ценно*). Ср. **All are not hunters that blow the horn. Don't judge a book by its cover.**

– парадоксы, например: *У черной коровы – белое молоко.* Ср. **A black hen lays a white egg.**

– ирония, например: *Яйцо курицу учит*. Ср. **Cutting off chickens' head!**
Such a fascinating process to watch!

– антитеза, например: *Сегодня красивый, завтра мертвый*. Ср. **Better to reign in hell, than serve in heaven.**

Пословицы обычно имеют «внешние формы выражения»: ритм, рифма и параллелизм, например: *Все хорошо, что хорошо кончается. Маленькие дети – маленькие заботы, большие дети – большие заботы.*

Как известно некоторые структуры, похожие на поговорку, легко переходят в пословицы при высокой частоте использования. Это притчи, крылатые слова, афоризмы, максимы и эпиграммы. Давайте рассмотрим их основные характеристики.

Сентенции (из лат. *sententia* «мнение, смысл, поговорка») являются краткими, лаконично сформулированными высказываниями. Автор и источник фразы с философско-литературным фоном обычно известны. Они отличаются от пословиц по содержанию: в то время как пословицы основываются на накопленном человеческом опыте, сентенции передают философское восприятие мира. Конкретная ситуация или знание обобщаются в кратком предложении и возносятся к обобщенному значению. Так, сентенция: *«топор в доме экономит на плотнике»* – это цитата из произведения Ф. Шиллера «Вильгельм Телль», из-за частого использования, которое приносит с собой общую известность, она также может быть принята в качестве пословицы.

Крылатые слова (гр. *erea pteroenta*, название книги собрания цитат Георга Бюхманна 1864) – это литературные цитаты, которые широко используются и, следовательно, также оцениваются как общеизвестные. Их источник (часто классическая литература и Библия) можно обнаружить, но о нем уже никто не вспоминает:

Используйте день! (Гораций)

Сначала – еда, потом – мораль (Б. Брехт)

На западном фронте без перемен (Э.М. Ремарк)

Таким образом, они сильно приближаются к пословицам.

Очень трудно четко разграничить пословицы, крылатые слова и сентенции. Выражение «*Знание – это сила*» часто используется, что принесло ему всеобщую известность. Таким образом, его можно было бы считать пословицей, хотя на самом деле, это цитата английского философа Фрэнсиса Бэкона (XVII-XVIII.вв.): «**Knowledge itself is power**».

Афоризмы (гр. «разграничение, определение, учение») – короткие, независимые, оригинальные мысли, задуманные как самостоятельные тексты. Афоризм отличается тем, что он выражает не общеизвестную мудрость, но порождает оригинальные, связанные с авторами, часто субъективные и критические суждения, знания. Афоризмы состоят из одного предложения или, что встречается реже, также из нескольких предложений. В литературоведении они рассматриваются как самостоятельный род с сатирическими, само ироничными чертами и типичными стилистическими средствами (парадоксальность, ирония, двусмысленность, манипулирование фразеологическими и пресловутыми высказываниями). Часто они обсуждают социальную и / или индивидуальную мораль и этику в политических, экономических и психологических контекстах. Первым известным автором афоризмов был Гиппократ, известный своими медицинскими лекциями.

Максимы (лат. максима «верховное правило, верховный принцип, верховное утверждение») понимаются как правила жизни, основанные на субъективных, индивидуальных нравственных принципах. Разница с пословицей в основном заключается в отсутствии у нее беглости. Особенно сильно развитой максима была во французском языковом пространстве во времена моралистики как философской разновидности (La Rochefoucauld, XVII в.), и в немецкоязычном пространстве у философа Иммануила Канта (категорический императив как основополагающий принцип этики, XVII в. до н. э.). К самым известным собраниям максим относится произведение Гете *Максимы и размышления* (1833), из которого взяты следующие примеры: «Кто хочет спорить, тот должен остерегаться говорить по этому поводу

вещи, которые ему никто не оспорит; очень редко мы делаем для себя достаточно, тем утешительнее сделать достаточно для других; сначала следует обучить себя, тогда воспримешь обучение от других.

Эпиграммы (gr. epigramma «надпись») принадлежат в первую очередь к литературным жанрам. Они имеют типичную формальную структуру (в основном дистихон – рифма, состоящая из гексаметра и пентаметра) и с заголовком. Существенное содержание эпиграммы – это ожидание и раскрытие, при этом ожидание называется кажущимся и загадочным противоречием, а раскрытие – неожиданным толкованием смысла. По содержанию они сопоставимы с афоризмами, только имеют форму стихотворения.

Среди поэтов как эпиграммисты известны Н.А. Адуев, А.Н. Архангельский, Д. Бедный, А.И. Безыменский, В.В.Маяковский, С.Я. Маршак, С.А. Васильев, А.С. Швецов.

Пример эпиграммы:

Воспитанный под барабаном,
 Наш царь лихим был капитаном:
 Под Австерлицом он бежал,
 В двенадцатом году дрожал,
 За то был фрунтовой профессор;
 Но фронт герою надоел:
 Теперь коллежский он ассессор
 По части иностранных дел.
 (А.Пушкин, «На Александра I»)

Следует отметить, что эпиграммы часто содержали измененные пословицы, но они обычно не достигают высокой частоты употребления, так что переход в пословицы происходит довольно редко.

1.2. Картина мира и языковая картина мира

Пословицы будут рассматриваться с точки зрения их способности представлять собою знание. Под понятием «знание» нужно понимать как сформулированное (т.е. объективированное, составленное как текст) знание, так и не сформулированное знание, которое появляется не в виде текста, а находит свое выражение в отношениях человека с миром, в том числе в его действиях.

Такое разграничение основано на научных подходах первой половины XX в., в которых была поставлена под сомнение способность субъекта к сознательному управлению своим жизненным миром и собою.

Тем не менее, есть мнение, что сознательное всегда лежит в основе чего-то бессознательного, и между тем и другим нет непреодолимой пропасти, так что, в принципе, всегда есть возможность осознать самое бессознательное. Предполагается, что у человека есть способность понимать и проверять структуры своего мышления (в области категорий и концептов) с помощью рефлексивных вопросов мышления.

За исключением того, какое значение отдельные лингвистические и культурологические подходы приписывают рефлексии или в чем ей отказывают. Все согласны с тем, что «теоретические» (сформулированные, объективированные) знания сопровождаются и формируются в области «до-теоретических» (несформулированных, необъективированных) знаний, например, в виде привычных способов наблюдения, которые редко осознаются, т.е. рефлексивно воспринимаются.

Вопрос о взаимодействии этих двух форм знания (понимаемых как содержание сознания) является решающим для антропологически ориентированной лингвистики и культурологии, главным образом, как вопрос о взаимодействии языковой и культурной компетенции человека с

одной стороны, и производимых им текстов и его действий с другой стороны.

Другими словами, в антропологически ориентированной лингвистике – где язык и культура понимаются как две взаимные, неразрывно связанные системы знаков (Ю. Лотман, Б. Успенский, 1975: 179) – общий вопрос о двух формах знания ограничивается, главным образом, вопросом о взаимодействии не объективированных (или мало объективированных) кодах и объективированных текстах.

Тот факт, что только часть знаний в повседневной жизни идентифицируется, описывается и объясняется как знание, и что только часть опыта и мотивов осознается (Burszta, 1998: 49-55, Fay, 2002: 32-35), находит свое отражение и в теории языковой картины мира, избранной в качестве теоретико-методологической основы этого исследования.

Под языковой картиной мира здесь понимается та часть картины мира, которая проявляется в языковой системе (Maćkiewicz, 1999b: 194). Картину мира человека или всего человеческого сообщества можно также понимать как присутствие весьма сложного (и тем самым более или менее противоречивого) чувства, проявляющегося в действиях и в текстах, направленных на мир в целом (как описание мира) или на одну из его составляющих. В феноменологическом смысле картина мира является интенциональной – т.е. относящейся к субъекту – действительностью. Поэтому ее следует понимать как свойство вовлеченного субъекта, в отличие от языковой картины мира, которую следует понимать как свойство языка.

Собственно картина мира, как присутствие субъективно-ориентированного чувства, является в определенной степени «языковой», и именно потому, что его образ более или менее характеризуется соответствующей языковой картиной мира (т.е. посредством фиксированных в языковой системе опыта, подходов, точек зрения и привычек).

Поэтому языковую картину мира и картину мира следует понимать, как диалектическое единство, где, с одной стороны, языковая картина мира

выражает опыт, подходы, точки зрения и привычки своих носителей – и, следовательно, всю их языковую картину – а с другой стороны, опыт, подходы, точки зрения и привычки членов соответствующего языкового сообщества действуют на их языковую систему (Weisgerber, 1929: 86-87, 98-99).

Та же диалектика относится и к культуре, понимаемой как символическая система, которая обязательно сопровождает каждый язык. Лингвистика и культурология дают достаточно аргументов в пользу того, что языковая картина мира и картина мира иногда так совпадают, что трудно провести границу между языковой системой (*langue*) и ее реализациями – текстами (*paroles*) (Maćkiewicz, 1999b: 194-195).

Все более очевидным становится то, что языковая система настолько неразрывно связана с текстами, что во многих отношениях не возможно однозначно сказать, что относится к системе и что к ее реализации. Тексты, которые становятся клише (фразеологизмы, пословицы, общеизвестные высказывания, общеизвестные шутки, городские легенды и другие распространенные повествования), можно рассматривать как реализации языковой системы, которые благодаря своей воспроизводимости сами по себе стали системой и, таким образом, проникли в языковую систему и более или менее повлияли на нее.

Таким образом, тексты становятся частью языковой системы, и, следовательно, тем, что оказывает влияние на форму новых текстов. Можно предположить, что элементы языка постоянно перемещаются между языковой системой (*langue*) и ее реализациями (*paroles*).

Таким образом, современная лингвистика вряд ли возможна без понятия дискурса (*discourse*), как промежуточной сферы между кодом и текстом, т.е. как динамической структуры, которая включает языковую систему, ее тексты, а также взаимное влияние между ними (Labocha, 2000: 92). Для нас это означает, что картина мира, проявляющаяся в языковом

тексте, может стать частью языковой картины мира в зависимости от того, насколько текст распространен и является постоянным.

Таким образом, если предположить, что воспринимаемые человеком факты изначально сливаются со знаками (в том числе со словами, понимаемыми как языковые знаки) (Weisgerber, 1964a: 41), и что на мир человеческой жизни влияет своеобразие систем знаков, участвующих в ней (Kajfosz, 2003b: 468-486), это вовсе не означает, что каждый член определенного языкового сообщества будет обладать такой картиной мира, которая идентична образу мира, зафиксированному в языке.

Язык не устанавливает непреодолимых для опыта границ, он формирует опыт только в том смысле, что «подсовывает» человеку определенные способы видения и интерпретации встречаемых фактов или, что он предлагает ему эти способы видения и интерпретации как нечто само собой разумеющееся (Sapir, 1978: 22).

Речь идет не о том, что язык полностью препятствует некоторому опыту у говорящих на нем, а о том, что он предполагает, направляет их внимание на некоторые аспекты, а другие упускает из виду. Язык приучает человека к определенным подходам, точкам зрения, к определенным способам видения и интерпретации, и одновременно затрудняет ему доступ к другим подходам, аспектам, способам видения и интерпретации. Привычка, однако, не единственная возможность: необходимо различать обычный опыт и потенциальный опыт (Sapir, 1978: 22).

Язык, определяющий облик картины мира человека, парадоксальным образом дает ему возможность для трансгрессии его картины мира (Kwaśnica, 1991: 31-48, Kalaga, 2001: 10; Fay, 2002: 72-82). Каждый человек благодаря языку, который делает мышление возможным, может обнаружить в своих мыслях, взглядах, замечаниях различные «пробелы», «трещины» и «расщепления» (например, в виде противоречий), он может высказать свое мнение в отношении их и изменить их.

Другими словами, иногда человек понимает, что воспринимаемая реальность не соответствует тому способу, которым он ее классифицировал – т.е. разделил с понятийной точки зрения – и это может подтолкнуть его изменить эту таксономию.

Такие идеи и связанные с ними переоценки могут, например, заключаться в том, что иногда можно обмануться их стереотипами, что собственные понятия и связанные с ними образы действительности, оценки и ожидания не всегда соответствуют отдельно воспринимаемым фактам. Например, можно осознать, что пословицы, которые представляют себя «истинами» или «истиной народа», не всегда правы или даже противоречат друг другу в отношении определенного опыта.

1.3. Многомерный характер картины мира и пословицы

На примере пословиц можно показать, что реальность воспринимается человеком, с одной стороны, в виде иерархичной системы, а с другой стороны, она меняющаяся, многомерная, гетерогенная и иногда даже противоречивая (Kajfosz, 2003a: 65-78). Картина мира, которая в рамках феноменологически-герменевтического вопроса может быть сопоставлена с миром жизни, в известном смысле носит систематический (упорядоченный) характер, а в некотором смысле несистематический (неупорядоченный) характер.

Это связано с тем, что картина мира всегда есть «синтез» конкретного и абстрактного, постулированного доязыкового и языкового (природного и культурного), так что она не может быть отнесена ни к «чистой», собственной реальности, ни к языку, ни ко всем другим семиотическим системам, которые опосредуют для человека реальность.

Картина мира имеет знаковый характер, она основана на относительно прочной системе знаков – в том числе языковых знаков, которая придает воспринимаемой реальности относительно прочную и простую (понятную) структуру, при этом эта действительность при более близком рассмотрении проявляет радикальное многообразие. Уже Аристотель подчеркивает, что «слова и количество речей (по числу) ограничены, а вещи по числу безграничны» (Bocheński, 1956: 64; Apel, 1959: 17). Поэтому дело доходит до того, что многообразные явления соотносятся с единым понятием, и что они сводятся к одному явлению (Есо, 2000: 23).

Таким образом, язык скрывает благодаря ограниченному числу понятий некоторые различия между существующими явлениями, а другие наоборот подчеркивает. Ограничение бесконечно многообразной реальности (ее «слияние» с понятиями языка) происходит путем языкового изобретения, ограниченного и, следовательно, обозримого числа относительно общепринятых и постоянных различий и сходств в воспринимаемом мире так, чтобы некоторые аспекты бытия были примечательными и значительными, а другие бы упускались из виду и забывались (Weisgerber, 1964b: 204; Krąpiec, 1985: 33).

Процесс «концептуальной обработки» реальности, в котором систематизируются бесконечно разнообразные и изменчивые аспекты ограниченного числа понятий, называется категоризацией. «Поведение говорящего человека и характер его языкового означивания основывается на том, что он видит явления не как конкретно-отдельные, а категориальные, в концептуализированные» (Weisgerber, 1929: 18).

Категоризация состоит в «делении», фиксации и, прежде всего, в упрощении бесконечного разнообразия и переменчивости, так чтобы человек мог хорошо ориентироваться в мире (Jackendoff, 1983; Lakoff, 1987; Maćkiewicz, 1999a: 52-53).

Классификация всего сущего посредством понятий языка не означает абсолютной последовательности и согласованности. Категоризированная

реальность полна «трещин» и «разрывов» – полна противоречий и парадоксов, которые возникают при более близком рассмотрении мира. В связи с этим возникает вопрос, при каких обстоятельствах человек вообще хочет подвергнуть мир более пристальному рассмотрению.

При любом более пристальном рассмотрении грозит потеря «внутренней уверенности», что мы полностью ориентируемся в мире. Благодаря категоризации мир жизни предстает перед человеком как область надежной само собой разумеющейся данности, которая все меньше рефлексивируется, чем больше она «естественна» и предсказуема.

Что касается вышеизложенного различия между «сформулированным» и «неопределенным» знанием, следует подчеркнуть, что в первую очередь категоризация не происходит сознательно. Мир редко делится сознательно на отдельные вещи или процессы.

Большинство «содержаний слов» мы не изучаем сознательно. Скорее именно это и есть чудесное достижение языка, что под их влиянием это знание вырастает бессознательно, что оно позволяет человеку объединить все его переживания в одну картину мира и заставляет его забыть о том, как он прежде, перед даром языка, противостоял явлениям (Weisgerber, 1929: 29-30).

Там, где суждение, которое лежит в основе категоризации, требует большего усилия и изобретательности, становится четко осознанным стремление примирить конкретное и общее: иногда возникает конфронтация с тем фактом, что нужно его интерпретировать, определить или типологизировать.

Затем проводится целенаправленная классификация воспринимаемой реальности (на основе соответствующих различий и сходств). Понятно, что рассматриваемый факт действительности не соответствует ни одному из его понятий и ни одному из его предыдущих знаний. Такой факт акатегориален, в том смысле, что он не соответствует ни одной из имеющихся категорий. В качестве акатегориального, например, был для его первых исследователей

утконос, так как это была гибридная «смесь» из утки, рыбы и крота. Найденный конкретный утконос был акатегориальным, так как он не соответствовал ни одной из категорий (типов) его исследователей, что, конечно, не означает, что он не воспринимался никакой категорией (Есо, 2000: 58-59, 89, 241-244).

Таким образом, в принципе можно было бы различать два вида явлений: во-первых, явления, которые с категориальной точки зрения не являются проблематичными, в том смысле, что они соответствуют нашим понятиям (и связанным с ними переживаниям и ожиданиям), во-вторых, явления, которые меньше соответствуют нашим понятиям (и связанным с ними переживаниям и ожиданиям), что может вызвать страх, неуверенность или даже трудности бытия.

Рассмотрим следующие схемы:

КАТЕГОРИАЛЬНО **БЕСПРОБЛЕМНЫЙ** – **ИЗВЕСТНЫЙ** –
КЛАССИФИЦИРОВАННЫЙ – **УПОРЯДОЧЕННЫЙ** – **СИСТЕМНЫЙ** –
ХОРОШО ИНТЕРПРЕТИРУЕМЫЙ – **ПРЕДСКАЗУЕМЫЙ** – **ОЖИДАЕМЫЙ**
– **ОБЫЧНЫЙ** – **УСПОКАИВАЮЩИЙ** – **БЕЗОПАСНЫЙ**

АКАТЕГОРИАЛЬНЫЙ – **НЕИЗВЕСТНЫЙ** –
НЕСКЛАСИФИЦИРОВАННЫЕ – **НЕУПОРЯДОЧЕННЫЙ** – **НЕ**
СИСТЕМАТИЧНЫЙ – **ТРУДНО** **ИНТЕРПРЕТИРУЕМЫЙ** –
НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ – **УДИВИТЕЛЬНЫЙ** – **НЕОБЫЧНЫЙ** –
ТРЕВОЖНЫЙ – **НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ**.

Наряду с положением дел в мире, считаются воспринимаемыми явлениями и сами понятия. Сравнивая факты в мире с понятиями (прототипами – прототип может быть упрощенно понят как представление о типичном представителе соответствующего понятия), можно сказать, что изменчивые факты в мире являются скорее акатегориальными, в отличие от

постоянных понятий, которые в этом сравнении считаются категориально беспроблемными. Все, что воспринимает культурный и знающий язык человек, изначально «сливается» с понятиями его языка, а также с другими языковыми и неязыковыми знаками, но это не означает, что нельзя сопоставить конкретный предмет с понятием (также можно противопоставить картине мира языковую картину мира).

Аналогично, меняющаяся и многомерная реальность акатегориальна по сравнению с обобщающими высказываниями языка, так что человек имеет более или менее сильную тенденцию переоценивать обобщающие высказывания языка и недооценивать взаимозаменяемость и многомерность бытия, в свою очередь, вплоть до самообмана.

Эта «слабость дискурса», как ее называет У. Эко (Есо, 2000: 23), имеет простое феноменологическое объяснение: внутренняя потребность в безопасности и защищенности является причиной для тенденции придерживаться обобщающих высказываний языка и забыть, или даже отрицать реальность, к которой относятся обобщающие высказывания языка.

Это можно показать как на стереотипах (на единичных понятиях), так и на стереотипических высказываниях, в том числе на пословицах. Роль стереотипов в картине мира в этом отношении напоминает роль пословиц в картине мира. Под стереотипами подразумеваются понятия или структуры понятий, связанные с застывшими, упрощенными, коллективно обусловленными и сохраняемыми образами реальности, которые имеют однозначное оценивающее выражение (Lippmann, 1922; Bartmiński, 2007: 54).

Так как вообще все понятия более или менее связаны с застывшими, упрощенными и аксиологически сформированными образами действительности, различие между «обыкновенными» понятиями и стереотипами имеет скорее эвристический характер.

Жизнь стереотипов (как и жизнь всех понятий) происходит в рамках взаимодействия непосредственного опыта отдельного человека с опытом других людей, который передается ему через рассказ или посредством

устоявшегося в речевой системе. Стереотипы формируют человеческие ожидания, ожидания снова воздействуют на опыт, опыт усиливает, в свою очередь, ожидания, связанные с соответствующими стереотипами и т.д.

Диалектика и соответствие между стереотипом, ожиданием и опытом могут быть нарушены случайным опытом, который делает явным различие между общим (понятием и связанным с ним образом действительности) и частным, что может иметь два последствия: либо конкретное отрицается как несущественное исключение, либо общее ставится под сомнение, и тем самым, возможно, модифицируется.

Опять же, более или менее четко осознанный страх (или, наоборот, жажда приключений) перед неопределенностью может сыграть определенную роль, т.е. страх перед акатегориальным (перед хаосом, перед дезориентацией), с которой столкнулись бы, если бы должны были подвергнуть свои образы реальности (свои представления) критическому исследованию, изменить их или даже отказаться от них.

Итак, для человека важно убеждение, что он хорошо ориентируется в своем жизненном мире, он может его хорошо истолковать и предвидеть, что происходит в нем и с ним; его можно «контролировать» неограниченно в познавательном и в прагматическом смысле. Эта, вероятно, общечеловеческая мотивация лежит в основе веры в то, что можно иметь ограниченное число простых правил – пословиц – которые обеспечили бы человека безупречным отношением к миру.

Пословица – это общее (обобщенное утверждение), которое оправдывает нечто конкретное (конкретное действие, мнение, взгляд и т.д.). Пословица, которая что-то оправдывает, даже не нуждается в оправдании. Если пословица не подходит к ситуации, она не употребляется – она «не существует»; если она подходит к ситуации, то она вполне оправдана. Совершенство пословицы в ситуации, подтвержденной пословицей, не допускает вопроса об истинности пословицы, не допускает пути к возможным сомнениям в пословице.

В правде пословицы в принципе нельзя сомневаться, потому что пословица представляется как «правило, того, что происходит в мире» в отношении принятия решений и действий всегда как постфактум.

Пословица редко принимается в расчет как возможный вариант еще до принятия окончательного решения по явлению действительности, еще до того, как выработали мнение. Пословица, которая оправдывает некоторое мнение или представленное воззрение, не нуждается в оправдании из-за того, что она (как общее) всегда делает легитимным только другое (конкретное) мнение. В случае если отношение, оправданное пословицей, окажется сомнительным, пословица отступает из актуальности в потенциальность, теряет статус текста (*parole*) и, как часть кода (*langue*), ждет своей дальнейшей «возможности», когда она снова используется.

Это означает, что пословица практически никогда не рискует тем, что она может быть сомнительной. Ошибаться может только конкретный человек, а не пословица, как общая истина. Чем более рьяно верят исключительную правоту пословицы, тем проще в другой ситуации перейти к противоположной пословице (Arendt, 1998: 19; Arendt, 2002: 238-239).

Разнообразие пословиц, которые иногда должны были бы оказаться противоречивыми, можно было бы назвать ситуационной догматикой. Она состоит в том, что по мере необходимости из памяти извлекаются догматы в виде пословиц или же они снова забываются, так что любые противоречия между ними остаются незамеченными.

Можно предположить, что пословицы возникают из-за того, что критическое понимание событий в мире, которое находит свое выражение в одном из высказываний, отделяется от контекста их возникновения. Пословица возникает тогда, когда высказывание освобождается от своей историчности, когда оно отделяется от привязки к конкретным обстоятельствам его возникновения (Barthes, 2000: 277-278), причем одновременно к этому высказыванию присоединяется вторичное значение, которое можно было бы назвать «пословичностью», к нему прикрепляются

также «общепринятость», «мудрость» и со временем «мудрость народов» или «опыт предков». Такое утверждение больше не потребует обоснования.

Пользуясь поговоркой, мы радуемся тому, что можно высказать мудрость наших предков, что мы так же мудры, как и мифические (идеализированные) предки, и что ситуации, которые в противном случае могут быть неоднозначными, становятся однозначными. Добавочное значение «поговорочность», которое присоединяется к выражению и превращает его в абсолютную истину – и, таким образом, фиксируется – можно было бы назвать «мифом». Такой миф «устраняет сложность человеческих действий, придает им простоту сущности, ликвидирует любую диалектику, любой напуск за непосредственно наблюдаемым, создает мир без противоречий, обеспечивает приятную ясность» (Barthes, 2000: 278). Если связать понятие мифа и роль пословиц в картине мира, то нельзя забывать, что и одно, и другое в принципе является выражением категоризации (т.е. концептуальной обработки мира), которая необходима для ориентации в мире.

В связи с этим фактом критика не должна пройти мимо мифов, стереотипов или пословиц. При этом следует подчеркнуть, что каждый человек в принципе способен критически исследовать свою языковую и культурную ценность, и то, что связано с вышеупомянутой трансгрессивной ролью языка, которая делает возможным мышление. Пословица, которая в контексте картины мира играет роль в высшей степени обобщенной сущности истины – и поэтому роль в высшей степени системности (где о парадоксе не может быть речи), при детальном рассмотрении, полна противоречий. Это также является правом категоризации, которая делает из радикального разнообразия единство. Это также является правом стереотипа (в этой связи пословицы), который не замечает радикального многообразия, а также противоречивости объектов (отдельных пословиц), на которые он ссылается.

Другими словами, это право человеческой способности к познанию придерживаться общего (образа пословицы как совершенной, общепринятой истины и мудрости предков или народов) и игнорировать конкретное (конкретные пословицы и конкретные жизненные ситуации). Во всяком случае, между пословицами и положением вещей в мире можно найти различные «щели» и «трещины», если провести критическое расследование (Krzyżanowski, 1980: 44, 93-94, 133). Когда исследуют сокровищницу пословиц, которая в целом считается народной мудростью, на уровне отдельных пословиц, констатируют, что отдельные пословицы иногда противоречивы между собой.

Дело в том, что в пословице сложилось множество (исторически и культурно обусловленных) способов видения и подходов (Hołowska, 1986: 136-137), в том числе: магически-фаталистическое мышление (где признается господство судьбы над миром), христианская народная религия (где каждое несчастье рассматривается как божественное наказание за совершенные грехи), гуманизм (который связан с эмансипационными тенденциями человека и с мужеством к радикальным антитрадиционным поворотам) и т.д.

Пласт пословиц – в рамках картины мира играет роль в высшей степени общей сущности истины, а потому и роль в высшей степени систематизированного класса (т.е. без парадоксов) – но, как уже упоминалось, полон противоречий, хотя и скрытых. Это является необходимым условием для того, чтобы пословицы могли дать человеку аргументы в пользу различных, а потому и даже противоположных точек зрения.

Фаталистическая точка зрения, связанная с убеждением, что в мире нельзя ничего изменить, например, оправдывается следующей немецкой пословицей *«своей судьбы никто не может избежать»*. Веру в возможность перемен к лучшему и возможность активного преобразования своего будущего подтверждают пословицы *«каждый кузнец своего счастья»*, *«каждый кузнец своей судьбы»*, *«желание – это возможность»*, *«где есть*

воля – есть и дорога», «смелому принадлежит мир», «смелому помогает удача» или «новозаветное» «вера двигает горы».

Можно прибегнуть к сокровищнице пословиц, если нужно подтвердить что *«старая любовь не ржавеет»*, но так же если хотят подтвердить обратное *«старая любовь ржавеет, если она стоит новой»* или *«с глаз долой – из сердца вон»*. Можно найти пословицы, которые собственное предпочитают чужому и наоборот, например *«каждый кулик хвалит свое болото», «своя рубашка ближе к телу»* и *«у соседа всегда трава зеленее»*. Можно было бы перечислить и другие примеры парадоксальности пословиц и обнаружить, что среди пословиц крайне трудно найти мотив, где мировоззрение, основанное на пословицах, было бы последовательным (Hołówka, 1986: 132).

С помощью пословиц можно оправдать противоположные точки зрения и при необходимости изменить их именно так, чтобы при представлении какой-либо точки зрения были забыты или могли бы быть забыты уже изложенные взгляды и связанные с ними пословицы. Это причина того, что здравый смысл практически никогда не должен вызывать «капитуляцию познания», потому что в любой ситуации у него есть пословица в качестве однозначного общего правила (Hołówka, 58 1986: 137).

Парадокс в пласте пословиц мог бы передавать что-то существенное о реальности, с которой соотносятся пословицы, а именно то, что она на самом деле имеет более или менее амбивалентный характер. Однако, этого не хочет воспринимать здравый смысл, потому что такое открытие поставило бы под сомнение совершенство пословицы, потому что это было бы, как если бы здравый смысл превратил это открытие в совершенную истину. На самом деле это происходит и находит свое выражение в самых популярных пословицах или максимах постмодернистской эпохи, таких как: «все относительно», «у каждого своя истина» или «нет правды» (Barthes, 2000: 239-271).

Таким образом, оппозиция к догматизму пословицы может сама стать догмой. Другими словами, скептицизм по отношению ко всем обобщениям (в том числе и по отношению к пословицам) может быть сам обобщен. В этой связи Р. Барт говорит, что «миф может подчинить себе все вещи, в том числе и движение, которое ему противостоит» (Barthes, 2000: 265).

Таким образом, утрата истины также может быть объяснена как единственный «принцип», что доказывают вышеназванные «постмодернистские пословицы», которые, насколько известно, до сих пор не проникли ни в какие словари пословиц, но можно предположить, что это только вопрос времени.

Следовательно, критические высказывания по поводу пословиц могут в результате их абсолютизации парадоксальным образом привести к появлению новых пословиц, так что они снова отделяются от контекста их возникновения, т.е. они обобщаются. Даже попытка избежать крайностей может привести к возникновению застывших общих утверждений, например: *«истина находится посредине»*, *«все хорошо в меру»* или *«соблюдай меру во всем, и у тебя получится любое дело»*.

Таким образом, даже попытка смягчить совершенство абсолютных истин при определенных обстоятельствах приводит к возникновению новой «абсолютной истины» (к появлению нового противоположного реальности принципа), что подобно отказу от применения человеческого рассудка, т.е. к отказу от постоянного посредничества между частным и общим.

1.4. Пословица как отражение повседневной жизни

Если считать пословицы особым случаем фольклора, т.е. анонимными, спонтанно изобретенными и общедоступными в соответствующей языковой

и культурной среде текстами, которые благодаря их постоянному воспроизведению становятся составными частями языковой культуры (Богатырев, Якобсон, 1971: 369-383), то можно признать их непосредственным проявлением картины мира. Можно предположить, что люди на самом деле верят в то, о чем говорят используемые пословицы, или что это мнение навязывается человеку всеми возможными вариантами.

Другими словами, если картина мира языкового и культурного сообщества раскрывается в языковых текстах и, особенно, в стандартизированных языковых текстах (в том числе в – хотя и противоречивых – пословицах), то картина мира из этих текстов может быть более или менее точно реконструирована. Образ пословицы, то, для чего пословица используется своими носителями или стала таковой в определенный период времени, виден из того, что говорят о себе пословицы.

Пословицы идентифицируются как мудрость и истина: например, «пословицы – это мудрость на улице», «пословица – это истина». Если предположить, что пословица идентифицируется (или была идентифицирована) значительной частью ее носителей как истина, то тогда имеет значение то, что является наиболее распространенным пониманием истины (или было в определенный период времени). Это также видно по пословицам, и на всех других уровнях.

Наиболее распространенное в нашем языковом и культурном пространстве понятие истины – не в смысле строгого определения, а в смысле основных коннотативных (т.е. более или менее по умолчанию сопровождающих) значений – может воспроизводиться по следующей схеме:

ИСТИНА – ДАЛЬНЯЯ (СКРЫТАЯ) – ПОСТОЯННАЯ (ВЕЧНАЯ, ПРОЧНАЯ) – ОБЩАЯ (СОВЕРШЕННАЯ) – ОПРЕДЕЛЕННАЯ

НЕПРАВДА – БЛИЗКАЯ (ОЧЕВИДНАЯ) – ПРЕХОДЯЩАЯ (ВРЕМЕННАЯ, СМЕННАЯ) – ЧАСТИЧНАЯ (НЕСОВЕРШЕННАЯ) – НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ.

Многие аргументы в этом отношении дает лексика:

Что-то осознать – это значит понять что-то истинное, что находится под поверхностным и обманчивым. Аналогичным образом, глубокая мысль находит что-то, что лежит под поверхностью. Задаться вопросом – это, в свою очередь, значит поставить вопрос о том, что скрывается за кажущимся, за вводящим в заблуждение.

Следует обратить внимание на понятие «голая правда», на выражение «сбросить маски», или на поговорку «в бездне живет истина». То, что нужно показать воочию, что выходит на свет вместе с истиной, или, что истина выходит из-за угла, предполагает, что истина, в принципе, находится вдали от человеческого поля зрения, что она скрыта.

Что касается пространственного измерения этой концептуальной метафоры (Lakoff, Johnson, 1980), можно сказать, что разница между истинным и ложным существует в разнице между далеким и близким (или в разнице между очевидным и скрытым).

Что касается временного измерения, разница между истинным и ложным соответствует разнице между постоянным и преходящим (или в разнице между вечным и временным), которая снова видна на различных уровнях популярного дискурса, включая пословицы, как *«ложь уходит, правда остается»*, *«истина остается, ложь проходит»* или *«то, что длится долго, будет (наконец) хорошо»*.

Люди предполагали, что время не вредит вечной истине, а помогает ей, потому что оно исключает ложное. Наряду с лексикологическими и парамитологическими доказательствами можно использовать и другие доказательства (например, из нарративного фольклора), подтверждающие правомочность перечисленных выше денотативных и коннотативных (понимаемых как сформулированное и не сформулированное знание) значений истины.

С коннотациями, сопровождающими понятие истины как не сформулированное знание, а иногда и сформулированное (трансформируемое в денотат), связана тенденция к недооценке или даже отрицанию преходящего и обособленного конкретного, а также к присоединению к прочному, общепринятому и безопасному общему. Эту тенденцию можно назвать повседневной метафизикой или народной метафизикой.

Такая тенденция, которая связана со страхом перед меняющимся, небезопасным, необозримым или хаотичным, может располагать различными высказываниями, в том числе системно-философскими высказываниями: например, древнее стремление, верно следовать вечным, единственно правильным образцам для подражания, которые были вверены человеку с начала времен; учение о вечном повторении или фиксация жизни Иисуса Христа в календаре (т.е. в кругу времени); до-сократический поиск самого древнейшего «кирпичика» мира, к которому можно было свести все сущее; учение об идеях Платона; гностический дуализм мнимого посюстороннего мира и единственно истинного, совершенного, неизменного потустороннего мира, который постоянно полон жизни в народном христианстве Европы (Eliade, 1998; Gottfried, 1984; Pokorný, 1986) и т.д.

Все эти примеры можно рассматривать как выражение поиска прочного и однородного (а потому простого), что скрывается за мимолетным и неоднородным (а потому сложным). Эту тенденцию можно понять как побег из хаоса конкретного в мир абстрактного, который может стать опасным там, где страх перед хаосом полностью подавляет силу убеждения отдельного опыта человека в окружающем мире. В качестве одного из выражений такой познавательно мотивированной повседневности можно считать убеждение в том, что через пословицы достигается общая истина, которая может однозначно объяснить конкретные жизненные ситуации, за которыми она скрывается.

Как уже было сказано, тоска по космосу, т.е. есть по контролю над происходящим в мире – часто проявляется в том, что факты, которые не совпадают с пословицей, искажаются, или отрицаются. Использование пословицы (как и другие высказывания метафизического мышления) может привести в большей или меньшей степени к насилию над действительностью, сглаживая противоречивость и двусмысленность ситуации, однозначность которой должна подтвердить пословица. При применении пословицы как однозначного, общего «принципа» исключаются моменты реальности, которые с ней не совпадают.

Другими словами, из-за стремления, радикально многообразное и изменчивое согласовать с одним, единственно истинным «принципом», игнорируются целые участки воспринимаемого мира. Принимая во внимание понятие мышления, когда оно состоит из непрерывного рассмотрения собственных мыслей (тезисов) в отношении мира, так что любой результат мышления никогда не может рассматриваться как окончательный (Arendt, 1998: 8; Arendt, 2002: 132-133, 235), пословица (понимаемая как «застывшая мысль») окажется чуждой по отношению к мышлению, будучи чрезмерной из-за своей совершенной ясности и однозначности последующего мышления. Это не значит, что пословицу надо обесценить как «обман дискурса».

Следует принимать во внимание потенциально сильные и слабые стороны человеческой способности ориентироваться в мире. Было доказано, что поиск общего (постоянного) является законным выражением процессов категоризации, законным выражением лингвистической обработки действительности (в том числе ее классификации, систематизации, упрощения и иммобилизации).

С другой стороны, следует подчеркнуть, что с пословицами – как и со всеми понятиями (стереотипами) – связана опасность, заключающаяся в том, что обобщения в языке иногда могут освободиться от реальности (понимаемой как радикальное разнообразие), что они могут быть препятствием на пути к их открытию.

1.5. Исследование метафоры в когнитивной лингвистике.

Метафора и пословицы

Отправную точку когнитивных научных исследований следует искать в психологии. История психологии, длящаяся более века, опиралась на две основные парадигмы: бихевиористскую и когнитивную парадигму. В психологии поведения для научного познания было важным только наблюдаемое поведение человека. Как функционирует душа человека оставалось вне исследовательских интересов.

В начале 60-х годов XX в. ученые применили новый подход к исследованию, который сделал восприятие и мышление предметом исследования. Это изменение парадигмы от бихевиористского к когнитивному подходу исследования называют «когнитивным поворотом». В психологии У. Найссер дал новой парадигме исследования ее имя – «когнитивная психология». Когнитивная наука включает в себя несколько дисциплин, таких как психология, философия, лингвистика и искусственный интеллект.

Естественный язык и человеческое познание неразрывно связаны между собой: «в когнитивистике когнитивная лингвистика концентрируется на исследовании ментальных структур и процессов, определяющих языковую способность человека» (Baldauf, 1997: 30). Способность человека говорить является специфической частью познания. «Познание является более общим термином и включает в себя язык» (Schwarz, 2008: 40).

В рамках когнитивного подхода язык является одновременно и инструментом познания, и результатом взаимодействия с миром. Методы работы когнитивной лингвистики имеют междисциплинарную ориентацию. Она интересуется «репрезентативными и процедурными связями языка с другими системами знаний» (Schwarz, 2008: 53). Когнитивная семантика

рассматривает, прежде всего, ментальный характер семантических явлений как предмет своего исследования (Roos, 2001: 121). «Значения определяются в когнитивной семантике как ментальные репрезентанты, связанные с речевыми формами. Они содержат информацию, относящуюся к общению, и позволяют нам опосредовать мир с помощью языка» (Schwarz, 2008: 59).

«Основное предположение, что восприятие происходит в виде сложных единств, т.е., что мы не храним в памяти бесконечное количество индивидуальных восприятий, а воспринимаем их как части больших констелляций, является основой понятия о гештальте, часто используемого в когнитивной семантике» (Baldauf, 1997: 32). Гештальты, как единства, анализируемы и состоят из частей, но не могут быть сведены к этим частям.

Когнитивная лингвистика изучает, как мир концептуализируется в языках. Концептуализация и когниция тесно связаны друг с другом. Таким образом, когнитивная семантика рассматривается как важная часть когнитивной лингвистики. Приоритетную роль играет постулат «смысл – это концептуализации»: значение понимается как «ментальное явление», которое должно быть описано в отношении общих когнитивных структур и процессов и отождествлено с концептуализацией. Под концептуализацией понимается переработка мира человеком, формирование концепта в зависимости от функции человека и его взаимодействия с окружающей его средой (Baldauf, 1997: 35)

Метафора, как средство обозначения путем переноса или изменения значения, с древних времен рассматривается как взаимосвязь по сходству или как сокращенное сравнение. Современные теории метафоры предлагают другие объяснения. В значительной степени общей основой при этом является дифференциация между донором образа и приемником образа. Если Аристотель считал, что метафора – это перенос слова по правилам аналогии, то Умберто Эко «дал понять, что в метафорическом процессе отношения сходства не играют роли между референтами, но ищут и активируют идентичные для них значения (семы)» (цит. по Emonds, 2008: 180).

Два понятия, которые сравниваются друг с другом, не идентичны, но понятие, дающее образ, предлагает часть своего значения для переноса: такой перенос образа предполагает отношение сходства, которое открывает в аналогии новый, удивительный смысл.

Что касается соотношения двух связанных друг с другом языковых величин, то активируется не весь объем понятия, являющегося донором, а лишь примечательный, существенный признак значения, который должен быть передан со всей ясностью, потому что он имеет решающее значение для понимания (Sanders, 2007: 119).

Также С. Ульман в своей работе об изменении значения подчеркивает, что важным фактором эффективности метафоры является «расстояние» между донором и реципиентом. Х. Хюльцер представляет феномен метафоры очень наглядно, как химеру, как живое существо, «которое соединяет в себе голову льва, тело козы и хвост дракона».

В этом заключается следующая мысль: в ситуации возникновения метафор комбинируются взятые от донора и реципиента частично противоречащие друг другу, по крайней мере, несовместимые, не соответствующие друг другу явления. Отход от ситуации возникновения, а также частое использование новообразованной метафоры приводят к тому, что метафора со временем все больше и больше отделяется от исходной ситуации. Она рассматривается как единое целое, потому что противоречивые элементы исчезают. Предполагается, что каждый последующий пользователь все меньше знает о разделении двух сфер, вылившихся в метафору (Hülzer, 1987: 278).

Важно, что при метафорическом сравнении двух различных объектов, явлений и т.д. на самом деле появляется третий сравниваемый, т.е. свойство, которое является общим для обоих понятий. Без этого третьего, никакая метафора не может возникнуть. Например, если мы сравним время с деньгами, то третье в сравнении будет означать, что эти два понятия оба являются ценностью.

В течение последних тридцати лет когнитивная теория метафоры, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, обращает на себя особое внимание лингвистов. Основная идея исследуемой в ней метафоры – это способ управления опытом на концептуальном уровне.

Согласно этой теории, «общее когнитивное и языковое понимание реальности» метафорически структурировано человеческим разумом. Дж. Лакофф и М. Джонсон заявили в 1980 году, что метафорическое выражение является частью системы языка и что метафора или метафорическая проекция влияет на наше мышление, восприятие и концептуализацию мира.

Кроме того, эти авторы доказали, что наша метафорически структурированная концептуальная система основана на опыте. Они утверждают, что мы понимаем более абстрактные понятия с помощью метафорической проекции менее абстрактных (или конкретных) терминов. Метафорическая проекция имеет направление от физического к нефизическому, от более точного к абстрактному, от близкого к опыту к более отдаленному от опыта.

Например, абстрактный концепт ЖИЗНЬ структурирован и концептуализирован метафорически более конкретным понятием ДОРОГА. Область, которая обеспечивает основу проекции, называется исходной областью (область происхождения) или областью донора образа. Область, в которую образ проецируется, называется областью назначения или областью реципиента образа.

Таким образом, метафора играет важную роль в формировании концепта. Бургер называет отношение между исходным доменом и целевым доменом «метафорическая модель» (Burger, 2007: 85). Теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона связана с гештальт-психологией, ибо «согласно гештальт-подходу, понятия (концепты) сами являются гештальтами. Понятие целостно воспринимаемого как гештальт-объекта – например, автомобиля – является как понятие самого автомобиля, опять же (когнитивным)

гештальтом, в котором части этого целого (например, двери и т.д.) также могут быть различимы на когнитивном уровне (Liebert, 1992: 29).

Вид метафоры, следует отличать от поэтической метафоры. Это неотъемлемая часть нашего повседневного языка, и поэтому она является само собой разумеющимся для концептуализации и выражения, и часто почти не бросается в глаза. Другими словами, это концептуальная метафора. Согласно Дж. Лакоффу метафорические выражения порождаются сознанием, а не языком. Их источником являются ассоциации, пересекающие концептуальные области: ассоциативные связи из области-цели перебрасываются в область-источник.

Метафора – это пересечение ряда понятийных областей в концептуальной сфере. В основе метафорического переноса лежит скорее не объективное сходство предметов, а субъективно устанавливаемое людьми соответствие между двумя сферами. При рассмотрении метафоры в когнитивном аспекте исследователи акцентируют внимание на понятийной специфике метафоры (Лакофф, 2004).

Метафорические отношения можно объяснить как результат перенесения характеристик одного концепта на характеристики другого концепта. Когнитивная семантика дает возможность понять метафорические и метонимические отношения с точки зрения их переосмысления в терминах понятий, связанных с хранением и обработкой информации.

Н.Н. Болдырев обращает внимание на то, что концептуальная метафора служат для вторичной репрезентации знаний о мире, что тесно связано с «системой оценки эмоционального значения и глубинного смысла» (Болдырев, 2013: 43).

В основе метафорической интерпретации лежат природа концептуальной метафоры и понятие языковой интерпретации, это – «механизм интерпретации и вторичной репрезентации знаний о мире» (Болдырев, 2013: 43). По определению Н.Н. Болдырева «интерпретация представляет собой процесс и результат субъективного понимания человеком

мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним» (Болдырев, 2013: 43).

Концептуальные области с множеством их составляющих, а также их языковые репрезентации посредством метафоры вступают во взаимодействие. Так возникают межконцептуальные связи, количество которых определяется множеством концептов, составляющих данные концептуальные области. В соответствии с тремя основными функциями человеческой познавательной активности, выделяются три типа интерпретации: селекция, классификация и оценка. Каждый человек владеет индивидуальной концептуальной системой, обладающей собственной структурой и содержанием в соответствии с его индивидуальным способом выборочной (селективной) репрезентации мира. «Собственно языковая интерпретация внутри этой системы сводится, прежде всего, к обозначению, в том числе посредством метафор, вещей и событий окружающего мира» (Болдырев, 2013: 44).

В случае с классифицирующей интерпретацией язык необходим для объединения объектов, выяснения их общих характеристик и обозначения абстрактных понятий. Оценочная интерпретация свойственна исключительно языковой интерпретации знания. Она опирается на «схематизацию и структурирование познавательного опыта (объектов и событий) в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей и оценок на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры» (Болдырев, 2013: 45).

Метафорические устойчивые выражения играют важную роль в структурировании реальности посредством языка. «Несомненно, метафорические идиомы играют важную роль в метафорической концептуализации определенных областей действительности, но не везде они играют одну и ту же роль. Есть некоторые выдающиеся области, которые в

значительной степени заняты идиомами. Например, область эмоций» (Burger, 2003: 88). В когнитивных исследованиях по фразеологии выделяются два основных направления: с одной стороны, исследователи заинтересованы в том, чтобы описать фразеологизмы (или идиомы) и их свойства как лингвистические явления в когнитивной перспективе, а также объяснить процесс их образования (производства) и восприятия (понимания) с помощью когнитивных механизмов.

С другой стороны, все больше внимания уделяется изучению общих черт и различий в метафорической концептуализации во фразеолексемах различных языков. Прежде всего, изучение концептуальных метафор в сравнении языков все больше и больше приводит к выводу, что когнитивные механизмы имеют универсальный характер. В когнитивных исследованиях устойчивые выражения рассматриваются как мотивированные языковые знаки, а также как системное и регулярное построение. Представитель этой точки зрения, Магнус Норден, который в своей работе рассматривает вопрос о том, как идиомы возникают, будучи языковыми образами. Он пришел к выводу, что идиомы строятся по правилам, в творческой обстановке и представляют системные лингвистические знаки. Норден доказывает мотивированность идиом как регулярных композиционно построенных выражений, имеющих в основе метафорические концепты, «которые вместе составляют так называемые метафорические знания, и, следовательно, возникают творческим путем» (Baldauf, 1997: 19).

Согласно его теории когнитивные механизмы ментальной системы связаны с энциклопедическим знанием и человеческим мышлением. Мы открываем «идиоматическое значение из нашего коллективного знания о мире» (Nordén, 1994: 10). Творческие механизмы происходят согласно Нордену следующим образом: Творческие механизмы = а) распознавание + б) концептуальная интерпретация + с) концептуальный сдвиг + d) метафорические концепты. Он стремится зафиксировать «системность когнитивных отношений и семантических интерпретаций с помощью ряда

правил идиоматизации» (Nordén, 1994: 16) и подробно изобразить и доказать, что эта система является однородной, последовательной и экспликативной. Так как идиомы с когнитивной точки зрения а) являются систематически построенными языковыми знаками, б) возникают регулярным творческим путем, Норден пытается определить понятие идиоматичности «положительно». «На основе энциклопедических знаний и определенных мыслительных процессов можно сформулировать положительное определение идиоматичности, которое более подробно свидетельствует о том, из чего же на самом деле возникает общее значение» (Nordén, 1994: 16). Исследования в рамках когнитивного подхода показали, что идиомы обрабатываются целостно. Согласно Роосу, «идиому и идиоматику можно лучше объяснить с помощью гештальт-теории лингвистического подхода» (Roos, 2001: 124). Благодаря своим свойствам идиомы воспринимаются как «образы».

В соответствии с принципами теории гештальтов, Роос описывает свойства идиоматических фразеологизмов, которые позволяют распознать их так же, как образ: «(1) тезис о том, что целое больше, чем сумма его частей (принцип сверхсуммируемости), (2) тезис о полной согласованности частей и мест целого, т.е. принцип, согласно которому все части в их значении определяются целым (первичность образа) и вмешательство в связь целого изменяет функции его частей, (3) принцип перемещаемости, который гласит, что все части формы могут быть изменены при сохранении их функции, (4) принцип образа-основы, который объясняет двусмысленность не только при зрительном восприятии, но и при многозначности вообще, (5) принцип выразительности, согласно которому существует тенденция, воплотить образ наиболее чисто и убедительно. Не полностью воспринятые образы при этом дополняются внутренним шаблоном» (Roos, 2001: 131).

Принцип перемещаемости, например, подходит, согласно Роосу для объяснения вариативности у идиом. Хотя все фразеологические явления следует воспринимать как образы, тем не менее, идиомы представляют собой

«самый радикальный случай целостности»: «идиомы в особой мере обладают характерными для естественных языков свойствами, которые можно адекватно описать только посредством гештальт-подхода: их «как-так и-характер», их двуличное свойство, одновременно быть единством и многообразием, лексемой и синтагмой, делают их прекрасным предметом для описания в лингвистической гештальт-теории» (Roos, 2001: 139). Большая часть метафорических фразеолексем основана на метафорических концептах, которым в качестве доноров образа или в качестве области происхождения служат психические процессы.

Выводы по ГЛАВЕ I

Пословицы – это краткие народные изречения, устойчивые в речи, обладающие способностью к многозначному употреблению и имеющие назидательный смысл и зачастую ритмически организованную структуру.

Пословицы и поговорки обычно изучаются вместе. Но важно не отождествлять их, ведь между ними есть не только сходство, но и различие. При разграничении пословиц и поговорок необходимо учитывать, во-первых, их общие обязательные признаки, отличающие пословицы и поговорки от других произведений народного творчества, во-вторых, признаки общие, но не обязательные сближающие и разделяющие их одновременно, и в-третьих, признаки, дифференцирующие их. К общим обязательным признакам пословиц и поговорок можно отнести: краткость (лаконичность), устойчивость (способность к воспроизведению), связь с речью, принадлежность к искусству слова, широкая употребляемость.

Но есть два признака свойственные только пословицам. Это – обобщающий характер содержания пословиц и их поучительность, назидательность.

Итак, пословицы – это поэтические, широко употребляющиеся в речи, устойчивые, краткие, часто образные, многозначные, имеющие переносное значение изречения, оформленные синтаксически как предложения, нередко организованные ритмически, обобщающие социально-исторический опыт народа и носящие поучительный, дидактический характер.

Разнообразие пословиц, которые иногда должны были бы оказаться противоречивыми, можно было бы назвать ситуационной догматикой. Она состоит в том, что по мере необходимости из памяти извлекаются догматы в виде пословиц или же они снова забываются, так что любые противоречия между ними остаются незамеченными.

Пословицы – это народная мудрость, свод правил жизни, практическая философия, историческая память. Можно предположить, что пословицы возникают из-за того, что критическое понимание событий в мире, которое находит свое выражение в одном из высказываний, отделяется от контекста их возникновения. Пословица возникает тогда, когда высказывание освобождается от своей историчности, когда оно отделяется от привязки к конкретным обстоятельствам его возникновения, причем одновременно к этому высказыванию присоединяется вторичное значение, которое можно было бы назвать «пословичность», к нему прикрепляются также «общепринятость», «мудрость» и со временем «мудрость народов» или «опыт предков». Такое утверждение больше не потребует обоснования.

Метафора – это пересечение ряда понятийных областей в концептуальной сфере. В основе метафорического переноса лежит скорее не объективное сходство предметов, а субъективно устанавливаемое людьми соответствие между двумя сферами. При рассмотрении метафоры в когнитивном аспекте исследователи акцентируют внимание на понятийной специфике метафоры.

Метафорические отношения можно объяснить как результат перенесения характеристик одного концепта на характеристики другого концепта. Когнитивная семантика дает возможность понять метафорические

и метонимические отношения с точки зрения их переосмысления в терминах понятий, связанных с хранением и обработкой информации.

Нередко образность пословиц создается посредством метафор, метонимий, синекдох. Таким образом, метафоричность выступает характерной чертой пословиц.

Глава II. Интерпретирующее значение английских пословиц, отражающих психологические процессы

2.1. Понятие о психологических процессах

Человеческая душа, или психика представляет исключительный по богатству содержания и разнообразию форм внутренний мир человека как отражение внешнего мира. Это отражение носит специфический характер. Человек способен узнавать предмет независимо от того, перемещается он или стоит неподвижно, обращен к нему в профиль или анфас. Исключительно разнообразный по краскам, звукам, запахам, внешний мир анализируют наши рецепторы, выделяя в нем тысячи отдельных качеств и свойств. Каждое из них превращается в нервные импульсы и по нервам передается в мозг. Здесь из тысячи элементарных сообщений воссоздается воспринимаемый образ. Поэтому изменение отдельных деталей не может нарушить целостного восприятия.

Многочисленные анализаторы отражают различные стороны окружающей нас действительности по-разному, вызывая у нас всевозможные чувства, переживания и действия.

Мы не только видим, слышим, чувствуем, осязаем, т.е. ощущаем и воспринимаем различные явления внешнего мира, но и оцениваем их. Каждый человек по своему, субъективно, отражает явления внешнего мира, о чем свидетельствуют разные мысли и чувства разных людей на одно и то же событие.

Мы не одинаково относимся к событиям, которые важны и безразличны для нас, несут для нас пользу и вред. Восход солнца вызовет у

нас радость, если небо чистое и день обещает быть прекрасным, и нас огорчает мрачное, серое небо с низко нависшими тучами, сулящими дождь и непогоду.

Различные явления действуют на нас не только в данный момент. Мы можем представить их себе после малых и больших промежутков времени с большей или меньшей ясностью и точностью. Каждый может представить себе осень, каким было море, увиденное летом, можно представить и воспроизвести слышанную песню или отрывки из более сложного музыкального произведения.

Очевидно, что «зеркало», которому мы уподобляем наш внутренний мир, обладает свойством сохранять, удерживать, или иначе говоря, запоминать и воспроизводить воспринятые явления.

Память необходима нам для отражения того, что мы уже однажды восприняли из действительности, что обогатило наш опыт, и что можно вновь воспроизвести. Без памяти невозможен был бы прогресс в развитии, как отдельной личности, так и всего человечества.

Но мы не только можем отражать события, которые уже однажды наблюдали, но и по сходным признакам предвидеть то, что будет. Таким образом, от восприятия явлений через их осмысление мы переходим к некоторым практическим действиям.

На все, что человек воспринимает из окружающего его мира, он немедленно или, наоборот, с отсрочкой отвечает различными действиями. Эти действия могут быть разными по характеру – импульсивными, или произвольными, ставшими непосредственным ответом на раздражение, полученное из внешнего мира, или же задержанными, продуманными, произвольными, отражающими понимание человеком того, что произошло. В этом случае человек проявляет осознанное отношение к действительности. Его действиями руководит сознание.

Высшая форма человеческого отражения действительности – сознание – выражает отношение человека к окружающей его среде. Оно объединяет

более простые формы отражения: восприятия, ощущения, представления, понятия, чувства и действия, т.е. представляет собой обобщающую форму отражения действительности, которая наиболее адекватно передает специфику человека, то, что отличает нас от животных.

Человек постоянно находится в обществе. Его развитие определяют не только природные, но и общественные условия, последним отводится ведущая роль. Главным условием, позволившим человеку подняться над животным миром, стал труд.

В условиях общественного труда появился процесс общения, поскольку было необходимо координировать действия участников совместного труда. Так появился язык как особая знаковая система, заменившая и обобщившая другие системы знаков. Слова дали человеку возможность отвлечься от конкретных предметов и явлений, обобщить понятия о них, проникнуть в их сущность, разобраться в многосторонних явлениях жизни на новом уровне.

Деятельность органов чувств человека подкрепляется такой деятельностью как мышление. Оно предоставляет человеку колоссальные преимущества, благодаря которым он создал свою собственную материальную и духовную культуру, развил свой внутренний мир, свои способности, взаимоотношения с другими людьми, выработал определенные устойчивые черты своего характера.

У психических процессов есть одна важная особенность, отличающая их от всех явлений материального мира – их нельзя измерить. С научной точки зрения они не обладают массой, глубиной, высотой, силой и тому подобным. Тем не менее, душевные процессы поддаются пониманию, поскольку психике присущи закономерные процессы.

Ощущение и восприятие – это первые ступени познавательной деятельности, с них начинается знакомство человека с окружающей его действительностью. Воспринятые из внешнего или внутреннего мира явления могут вызывать у человека самые разнообразные отношения и

чувства. Все зависит от того, как мы расцениваем и понимаем полученную информацию: нужна она нам или нет, вредна или полезна и т.д. Отношение к восприятию обуславливается также такими параметрами как возраст человека, накопленный им опыт и знания. Наблюдение реакций, действий, поступков других людей, который возникли при знакомых нам условиях, и сопоставление их с собственными чувствами и переживаниями, возникающими в подобных ситуациях, мы можем понять другого человека, его душу, которая уже не будет для нас «потемками».

Все психические процессы условно можно разделить на две основные группы:

1. Специфические, или собственно познавательные, процессы, которые представлены ощущением, восприятием и мышлением. Данные психические процессы формируют наше знание о мире и о себе, посредством органов чувств или рационально.

2. Неспецифические, т.е. универсальные, психические процессы, к которым относят память, внимание и воображение. Эти психические процессы представляют собой необходимые предпосылки познания, но сами им не являются. Посредством универсальных психических процессов человек способен сохранять свое «Я» во времени:

- память удерживает прошлый опыт;
- внимание опосредует актуальный (настоящий) опыт;
- воображение предполагает будущий опыт (Амосова, 1989: 319).

2.2. Специфические психологические процессы в английских поговорках

Ощущение. Ощущение представляет собой непосредственное отражение свойств предметов и явлений окружающего нас мира и внутренней среды, которые оказывают воздействие на наши органы чувств. Различные ощущения являются сигналами действительности. Их выделяют наши анализаторы из внешнего мира и сразу же объединяют, синтезируют, перерабатывают в комплексы, системы сигналов.

Источник познания – это окружающий нас мир или внутренняя среда организма, а ощущения – это способ, которым мы формируем наши знания об этих мирах. Ощущения, которые появляются от раздражений, проникших из внешнего мира через экстерорецепторы – глаз, ухо, кожу и слизистые оболочки, вкусовые сосочки языка и слизистую оболочку носа отражают свойства предметов и явлений внешнего мира. Соответственно выделяют; зрительные, слуховые, осязательные или тактильные, вкусовые или обонятельные ощущения. Из внутренней среды раздражения поступают через интерорецепторы и порождают ощущения о нарушении работы внутренних органов.

Центральная часть каждого анализатора расположена в коре больших полушарий головного мозга и воспринимает сразу целую гамму однородных свойств. Так, в зрительной зоне ощущаются свет и цвет предметов, интенсивность света и яркость цвета, его насыщенность, многообразные оттенки цветов спектра и их комбинации. Слуховая зона ощущает не только силу звука, но и его высоту, продолжительность, тембр, а в речи смыслообразующие составные элементы языка – фонемы.

Осязательная зона мозга отвечает за наиболее разнообразные ощущения, например, какова поверхность предмета – гладкая или шершавая, ровная или бугристая, теплая или прохладная, сухая или мокрая и т.д.

Вкусовая зона ощущает вкусы различных жидкостей и пищи: сладкий, горький, соленый или кислый вкус, а также их специфические комбинации.

Обонятельная зона мозга ощущает разные запахи, которые определяются, как правило, по их источнику и могут оцениваться как безразличные, приятные и отвратительные.

Окружающий нас мир и внутренняя среда организма воздействуют на несколько анализаторов одновременно множеством разнообразных раздражений. Согласно закону высшей нервной деятельности каждое возбуждение, которое возникло в любом участке коры больших полушарий иррадирует по всей коре. Поскольку ощущения и возбуждения, вызванные ими, появляются одновременно в разных зонах коры головного мозга, то ощущения способны усилить, ослабить или нейтрализовать друг друга.

В норме наши ощущения действуют согласовано и контролируют друг друга. Однако в некоторых случаях это действие анализаторов может быть нарушено, так возникают ложные восприятия, иллюзии.

Исследования показывают, что разные анализаторы обладают разной чувствительностью. Так, зрительный анализатор различает цвета в пределах видимого спектра солнечных лучей, но ему не доступны ультрафиолетовое и инфракрасное излучения. Человеческие анализаторы уступают по диапазонам различения анализаторам многих животных.

Результаты ощущений, полученных из внешнего мира, легли в основу возникновения следующих английских пословиц.

Appetite comes with eating. Ср. *Аппетит приходит во время еды. Чем больше ешь, тем больше хочется.*

Как известно, данная пословица используется носителями языка в ситуации, когда человек постепенно вовлекается в некий процесс, хотя изначально у него, возможно, и не было желания это делать. Прием пищи связан с ощущениями, получаемыми от зрительных, вкусовых и обонятельных анализаторов одновременно, в результате человек, не испытывающий изначально желание принимать пищу, после получения соответствующих ощущений, особенно если они оказались приятными, вовлекается в прием пищи, и делает это с желанием. Эта особенность –

становиться увлекательной деятельностью – если ею начать заниматься и послужила основой метафорического переноса «прием пищи – любая другая деятельность, которая становится приятной после ее начала».

As the call, so the echo. Ср. *Как покличешь, так и откликнется. Как аукнется, так и откликнется.*

Пословица информирует о том, что все воздается по делам. Народная мудрость говорит об «эффекте бумеранга». Добро вернется добром, зло принесет в ответ зло. Основой для метафорического переноса послужили знания о слуховых ощущениях. Эхо – это отражение звука, чаще всего человек его наблюдает, когда сам производит звуки в пустом пространстве, имеющем отражательные вертикальные поверхности. Что и как ты произнесешь, вернется к тебе в том же виде и с той же интонацией. Так родилась метафора о возвращении к нам же наших дел.

Who has never tasted bitter, knows not what is sweet. – Кто никогда не пробовал горького, не знает, что такое сладкое. Ср. *Не вкусив горького, не узнаешь и сладкого. Не приняв горечи, не узнаешь и сладости.*

Метафорическое значение упомянутой пословицы выстраивается на знании о вкусовых ощущениях, о горьком вкусе как неприятном и сладком вкусе, приятном для человека, поскольку сладкая пища способствует выработке эндорфина – «гормона радости». Смысл «зная, что такое горькое, понимаешь насколько приятно сладкое» становится более обобщенным «только познав плохое, понимаешь, что значит хорошее».

Believe not all that you see nor half what you hear. – Не верь всему, что видишь, ни половине того, что люди говорят. Ср. *Не все то, правда, что люди говорят.*

Данная пословица предупреждает человека о том, что органам чувств не всегда можно доверять, что наши анализаторы могут вызывать ложные ощущения. Действительно, как мы видели выше, ощущения усиливают, ослабевают, или нейтрализуют друг друга, что может вводить человека в

заблуждение. Интерпретация данного значения приводит к обобщенному смыслу: «доверяй органам чувств, но проверяй то, что видишь или слышишь», одних ощущений не достаточно, должно быть задействовано логическое мышление.

Every dark cloud has a silver lining. – Всякое темное облако серебром оторочено. Ср. *Нет худа без добра.*

Дословная информация, представленная в данном высказывании, основана на зрительном восприятии окружающего мира, на знании, воплотившем наблюдение за цветом облаков – на темных облаках особенно отчетливо заметны светлые полосы. Интерпретационным потенциалом выражения послужило знание о противопоставлении «темнота – свет/ плохое – хорошее». С древних пор человек отождествлял темноту со злом, а свет с добром. Сочетание в облаке большого количества темного цвета и небольших светлых полос стало основой для образа о том, что в большом количестве плохого все же найдется незначительное количество хорошего.

Blind men can judge no colours. – Слепые о красках судить не могут. Ср. *Слепой курице все пшеница.*

Данная пословица также связана со зрительным восприятием. Человеку давно известно, что цвет ощущается зрительными анализаторами. Дословное значение выражения утверждает очевидное: слепой человек не может рассуждать о цветах в окружающем его мире, поскольку другим анализаторам это качества предмета не доступно, например, в отличие от формы. Интерпретация данной информации порождает метафорическое значение: «не суди о том, о чем не знаешь, о том, что тебе не доступно».

Shallow streams make most din. – Самый большой шум производят мелкие потоки. Ср. *Пустая бочка пуще гремит. Где река глубже, там она меньше шумит. Где река мельче, там она больше шумит.*

Информация в данном выражении основывается на звуковом ощущении, на способности человека сравнивать ощущения, полученные от разных источников звука. Перенос образа маленького ручейка, громко

журчащего, на человека служит основой порождения смысла, что не стоит бояться того, кто громко, открыто выражает свои мысли, он не так опасен, как тот, кто тих, но глубок как река, в которой можно и утонуть.

Fish begins to stink at the head. – *Рыба начинает вонять с головы.*

Ср. *Рыба гниет с головы.*

Основой метафоры данной пословицы послужили ощущения, полученные от обоняния. Запах, источаемый гниющей рыбой, ощущается в первую очередь от головы. Интерпретация значения породила смысл о том, что если не удастся какое-то дело, то виновно в этом руководство.

Восприятие. Человек воспринимает не отдельные свойства, а весь предмет в целом. Это означает, что мозг анализирует, выделяет данные свойства и сразу же синтезирует, объединяет их, охватывает предмет целиком. Отражение предмета в целом и есть восприятие.

Большую роль в восприятии играет прошлый опыт. По отдельным деталям он позволяет реконструировать образ предмета.

Ощущение и восприятие неразрывно связаны друг с другом, поскольку их основу составляет общая закономерность в работе мозга – единство анализа и синтеза. Но в отличие от ощущений восприятие отражает вещи, явления в целом, иногда игнорируя их незначительные свойства. Благодаря восприятию наши ощущения принимают целенаправленный характер. Из множества зрительных ощущений восприятие отчетливо выделит тот или другой предмет с его формой, цветом, величиной.

Следует отметить, что восприятие носит избирательный характер. Из множества предметов окружающего мира мы выделяем тот, который нам необходим в той или иной ситуации, в тот или иной момент. Благодаря избирательности восприятия мы группируем ощущения, связанные с одними и теми же объектами, явлениями и событиями.

В нашей психической деятельности важное место отводится восприятию пространства и времени, поскольку все предметы и явления возникают и существуют в этих измерениях. Решающую роль в восприятии

величины и формы предметов играет такая особенность восприятия, как константность. Именно она служит основанием для правильного заключения об истинных размерах предметов, которые на расстоянии нам кажутся маленькими. Субъективные восприятия пространства часто не соответствуют объективным данным, что связано с сопутствующими обстоятельствами.

Восприятие времени на земле связано с периодическими изменениями, которые зависят от вращения земного шара вокруг своей оси и вокруг Солнца. Объективно мы измеряем время в секундах, минутах и т.д.

Субъективный отсчет времени вырабатывается в результате смены циклов жизнедеятельности, которые происходят в течение суток: чередование утра, дня, вечера и ночи, периоды бодрствования и сна. Однако субъективное восприятие времени не совпадает с объективным по ряду причин. Если есть факторы отвлекающие внимание человека, то ему кажется, что время идет быстро. Ожидание вызывает у человека ощущение замедления темпа времени. Эмоции также влияют на субъективное восприятие времени. Отражение восприятия времени находим в пословице:

Friends are thieves of time. – Друзья – воры твоего времени.

На первый взгляд она выглядит как высказывание эгоиста, но на самом деле это инверсия русского «дарить кому-то свое время», в данной ситуации другу. В пословице проявляется национальная специфика, которая явно указывает на недооценку дружбы англоязычными носителями.

В следующей пословице нашло отражение наше восприятие времени как имеющего один отсчет – от прошлого к будущему:

Lost time is never found again. – Потерянного времени никогда не веротишь. Ср. *Времени не поворишишь. Вчера не догонишишь.*

Метафорическое представление этого знания служит передаче информации о драгоценности времени. Искать вчерашний день бесполезно, надо проживать жизнь с умом и пользой для себя.

Нередко в жизни возникают искаженные восприятия – иллюзии. Их используют и в профессиональной деятельности, например, военные при

маскировке, в театре в декорациях, и в быту – продольные и поперечные полосы на платье.

Существуют также иллюзии апперцепции. Однажды пережитые не приятные эмоции вызывают страх, что в подобных условиях они могут повториться. Из-за иллюзии апперцепции мы пропускаем опечатки в знакомом нам тексте статьи.

Пословицы, информирующие о иллюзии апперцепции – это:

Once bitten, twice shy. – Однажды укушенный вдвойне пуглив. *Ср. Пуганая ворона куста боится. – Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду.*

Основой метафорического переноса стало знание о том, что возникает чувство страха в идентичных условиях тем, когда случилась неприятность. Страх быть укушенным собакой (или другим животным) будет возникать каждый раз при виде собаки. В результате появилась интерпретация данного смысла – «быть осторожным, осторожничать».

The scalded dog fears cold water. – Ошпаренный пес холодной воды боится. *Ср. Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду.*

В данной пословице образ обжегшейся собаки переносится на человека, который проявляет осторожность в тех или иных жизненных условиях.

Мышление. Мышление рассматривается как процесс, связывающий такие временные категории как прошлое, настоящее и будущее. Оно стоит над временем, связывая воедино причины (прошлое), следствия (будущее) и условия их реализации (настоящее). Важную роль в мышлении играет обратимость операций, которая восстанавливает исходные условия, анализируя результат действия, решает прямую и обратную ей задачу.

Процессы отвлечения и обобщения осуществляются мышлением. Они дают возможность открывать новые законы и использовать их на практике. Например, открытие закона всемирного тяготения, позволило впоследствии

преодолеть притяжение Земли и совершить полет в космос. Знание законов позволяет нам предвидеть развитие процесса и активно влиять на него.

От элементарного анализа, происходящего на уровне ощущений и восприятий, мышление отличается более серьезным и глубоким обобщением, умением сравнивать и сопоставлять события, явления, исследовать их причинно-следственные связи и делать логические выводы.

Можно сказать, что мышление является моделированием системных отношений окружающего нас мира с учетом безусловных положений.

В психологии и нейропсихологии мышление считается видом деятельности со своим мотивом, целью, системой действий и операций, результатом и контролем.

Мышление считается высшей степенью человеческого познания, процессом отражения в мозге окружающего реального мира, основанного на таких психофизиологических механизмах, как: образование и непрерывное пополнение запаса понятий, представлений и формирования новых суждений и умозаключений. Мышление дает нам возможность приобрести знание об объектах, явлениях окружающего мира, которые не воспринимаются первой сигнальной системой. Если ощущение отражает отдельное свойство предмета, а восприятие – предмет в целом, то мышление пытается схватить то общее, что присуще всем однородным предметам или явлениям. В результате словесного обобщения формируются понятия.

Особенности мышления нашли отражение, например, в следующей пословице:

Two heads are better than one. – Две головы лучше одной. *Ср. Одна голова хорошо, а две лучше. Ум хорошо, а два лучше.*

Сформированный этим выражением смысл передает знание о том, что два человека, задействованные в решении одной проблемы, имеют больше возможностей сделать все верно: *Come over here and help me balance my checkbook. Two heads are better than one.*

Речь. Речь – это средство общения между людьми, это деятельность с помощью языка. Другими словами речь – это реализация языка, а также форма существования сознания (мыслей, чувств, переживаний) одного человека для другого, с которым вступают в общение и форма обобщенного отражения действительности.

В психологии под речью понимается система используемых человеком звуковых сигналов, письменных знаков и символов для передачи информации. Важно отличать речь от языка. Их основное различие состоит в том, что язык представляется как система условных символов, сочетания звуков, несущие для людей определенные значения и смысл. Язык считается объективной, исторически сложившейся системой кодов, его исследует специальная наука – языкознание (лингвистика), а речь идентифицируется как психологический процесс формирования и передачи мысли средствами языка. Речь, как психологический процесс, является предметом раздела психологии, называемым «психолингвистикой».

Для речи характерны следующие признаки: 1) она передает психологические особенности отдельно взятой личности; 2) это деятельность, совершаемая человеком и служащая передаче мыслей и чувств.

Отражение общения в пословицах передает неоднозначное отношение носителей языка к этому роду деятельности.

Так в следующей пословице английская народная мудрость рекомендует меньше спрашивать, если не хочешь быть обманутым:

Ask no questions and you will be told no lies. – *Не задавай вопросов, и тебе не будут лгать.*

Вообще разговоры не приветствуются, предпочтение отдается реальным делам:

Doing is better than saying. – Чем говорить, так лучше делать. Ср. *Не спеши языком, торопись делом.*

Или ей подобная пословица:

Deeds, not words. Ср. *(Нужны) дела, а не слова.*

Также в народе считалось мудрым, если человек думал о том, что он говорит, а не выпаливает сходу, все, что вздумается:

First think, then speak. – Сперва подумай, потом говори.

He who says what he likes, shall hear what he doesn't like. – Тот, кто говорит все, что ему нравится, услышит то, что ему не понравится. Ср. *Кто говорит, что хочет, услышит чего и не хочет.*

В народе приветствуется бережное обращение со словами, которые могут вернуть человека к жизни или убить:

Many words hurt more than swords. – Многие слова ранят сильнее, чем шпаги. Ср. *Слово пуще стрелы разит. Не ножа бойся, а языка. Бритва скребет, а слово режет. Слово не нож, а до ножа доводит.*

Еще одно правило разумного поведения в общении заложено в пословице:

Give every man thy ear, but few thy voice. – Слушай всех, но говори с немногими. Ср. *Слушай больше, говори меньше.*

Человек должен слушать всех и меньше говорить. Умение слушать других и проявлять терпение показывает мудрость человека, а его молчание доказывает это. На встрече образованных людей можно много получить, и многому научиться. А говоря точно и по существу, человек показывает, что он образован. Образованные люди обучаются тому, как они должны смотреть на людей, и как реагировать на них. Они учатся слушать учителя. Внимательное прослушивание каждого отрезка речи дает драгоценное знание и мудрость. Подобные пословицы:

Keep your mouth shut and your ears open. – Держи рот на замке, а уши открытыми. Ср. *Поменьше говори, побольше слушай.*

No wisdom like silence. – Нет ничего умнее молчания. Ср. *Молчание – золото. Молчи, за умного сойдешь.*

Least said, soonest mended. – Чем меньше сказано, тем скорее исправишь.

Лишние разговоры только вредят делу.

Длинные речи не приветствуются английской народной мудростью:

Many words will not fill a bushel. – Многими словами бушеля не наполнишь. Ср. *Из спасибо шубы не сошьешь. Спасибо в карман не положишь. Разговорами сыт не будешь.*

С одной стороны английская народная мудрость призывает думать, прежде чем говорить, но, с другой стороны, существуют пословицы доказывающие несложность такой деятельности как речь по сравнению с другими видами человеческой деятельности. Считается, что говорить легче, чем выполнить какое-то дело:

Easier said than done. Ср. *Легче сказать, чем сделать.*

Многословие считается признаком лжи, лени, заблуждения:

Great talkers are great liars. – Кто много говорит, тот много лжет. Ср. *Кто меньше толкует, тот меньше врет. Меньше говорить, меньше согрешить.*

He that talks much errs much. – Кто много говорит, тот много ошибается. Ср. *Меньше говорить, меньше согрешить.*

He that talks much lies much. – Кто много говорит, тот много лжет.

2.3. Универсальные психологические процессы в английских поговорках

Память. Познавательные процессы нужны человеку для отражения таких характеристик окружающего мира, как пространство и время. Память связана с прошедшим временем, она хранит следы пережитых событий, эмоций, чувств. Актуальную реальность отражают сенсорно-перцептивные процессы, которые и обеспечивают человеку адаптацию к настоящему.

Под памятью понимают психический процесс запечатления, сохранения и воспроизведение человеком своего опыта. В памяти происходят следующие основные процессы: запоминание, сохранение, воспроизведение и забывание. Эти процессы проявляются и формируются в определенном виде деятельности, определяющей их (Смит, 1998: 393).

Память считают важнейшей, определяющей характеристикой психической жизни человека. Роль памяти не сводится лишь к фиксации прошлого опыта. Ни одно действие в настоящем невозможно без процессов памяти; самый простой психический акт обязательно предполагает удержание каждого его элемента для связи с последующими. Без способности к такому сцеплению невозможно развитие: человеческое сознание оставалось бы всегда первозданным.

Когнитивная психология рассматривает память как функцию, и как процесс одновременно. Она предприняла попытку объяснить закономерности процессов памяти в действии. Память представлена в виде многоуровневой системы хранилищ (сенсорный уровень, кратковременная память, долговременная память). Память как система процессов организации информации в целях запоминания, сохранения и воспроизведения может рассматриваться и как подструктура интеллекта – системного взаимодействия познавательных способностей и имеющихся у личности знаний (Захарова, 1999: 127).

Основная функция памяти – это обеспечение единства и целостности личности.

Отдельные виды памяти вычленяются в соответствии с тремя основными критериями:

- 1) с точки зрения психической активности выделяют двигательную, эмоциональную, образную и словесно-логическую память;
- 2) по характеру целей деятельности – произвольную и произвольную;

3) по длительности закрепления и сохранения материала – кратковременную, долговременную и оперативную.

Как известно, память проявляется в процессах запоминания и сохранения того, что мы прежде восприняли, в воспроизведении и узнавании того, что было раньше в нашем опыте, а также в забывании того, что в чем нет необходимости в определенные моменты нашей жизни. Последний процесс очень важен для того, чтобы привести в действие то, что существенно для нашей сегодняшней деятельности.

Забывание обыгрывается многими английскими пословицами:

Far from eye, far from heart. Ср. *С глаз долой, из сердца вон.* Интерпретирующее значение пословицы строится на знании о процессе забывания, который связан со зрительным анализатором в том числе. Если предмет исчезает из виду о нем быстро забывают, переключаясь на другой, актуальный для данного момента. Узкий смысл благодаря метафоре получил более широкую трактовку.

Синонимичная пословица:

Out of sight, out of mind. – Прочь из виду, прочь из памяти. Ср. *С глаз долой – из сердца вон.*

Подобный смысл несет и пословица:

Salt water and absence wash away love. – *Любовь пропадает во время долгого плавания.*

Данное изречение полностью метафорично, забывание приобретает образ воды, смывающей из памяти чувство.

Противоположное мнение представлено пословицей:

Absence makes the heart grow fonder – Разлука укрепляет чувства. Ср. *разлука для любви, что ветер для искры: маленькую затушит, а большую сделает еще сильнее.*

Согласно данному народному изречению разлука не влияет на память об отсутствующем человеке и чувство к нему, напротив, сердце, как вместилище чувств и памяти в народной трактовке, увеличивается в

размерах, а наблюдается метонимический перенос «место присутствия психических процессов – психический процесс».

Память как психический процесс имеет отражение и в такой пословице как:

He is a fool that forgets himself. – Тот дурак, кто о себе не помнит. Ср. *Чужая печаль с ума свела, а по своей потужить некому.*

Дословное значение пословицы интерпретируется как идея о том, что человек, забывающий о своих проблемах, но решающий чужие, должен считаться глупым.

В следующей пословице:

Soon learnt, soon forgotten. – *Выученное наспех быстро забывается.* – нашло отражение знание о том, что только при регулярном повторении образы из кратковременной памяти переходят в долговременную. Этой пословице вторит другое английское изречение:

Practice makes perfect. – Практика приводит к совершенству. Ср. *Повторенье – мать ученья.*

Интерпретирующее значение пословицы возникает на основе смысла, что практика дает возможность неоднократно повторить действие и приобрести устойчивый навык.

Отношение к знаниям в английской языковой картине мира также носит двойственный характер. С одной стороны есть пословица:

Money spent on the brain is never spent in vain. Ср. *Деньги, потраченные на образование, всегда окупаются.*

Прямое значение пословицы – купить за деньги мозг – служит основой для интерпретирующего значения – приобрести знания, заплатив за учебу. Такая трата поощряется в народной сокровищнице мудрости, считается, что полученное образование вернет деньги. О роли знания говорит и пословица:

A little knowledge is a dangerous thing. – Знать мало – опасно. Ср. *Полузнание хуже незнания.*

Но также в английском языке присутствует и другая пословица, прямо ей противоположная:

Too much knowledge makes the head bald. – От чрезмерного знания голова лысеет. Ср. *Много будешь знать – скоро состаришься.*

В этом случае речь идет о другом виде знания – бытовом, присутствует метафорический перенос – лысая голова – как признак старости, смерти, т.е. угроза. Интерпретирующее значение – не суй свой нос, куда не следует.

Внимание. Внимание тесно связано с сознанием человека. Оно играет значительную роль в любой сознательной деятельности людей и проявляется в большей или меньшей степени. Внимание важно для процесса восприятия, а также для памяти, мышления, воображения. Человеческая деятельность благодаря вниманию становится активной, организованной и продуктивной.

Внимание – это направленность нашего сознания на тот или иной вид деятельности. Направленность подразумевает избирательный характер соответствующей деятельности и ее сохранение. Внимание означает, что наше сознание должно быть сосредоточено на этой деятельности, т.е. оно углубляется в данную деятельность и отвлекается от всего остального.

Внимание может охватывать весь объем деятельности, может равномерно распределяться по ее отдельным деталям или быть неустойчивым. Фактически у внимания нет своего собственного продукта, оно способствует улучшению результатов других психических процессов, от которых оно неотделимо (Ефремова, 2005: 426).

Благодаря объективному экспериментальному методу В. Вундт выяснил, что простые реакции на зрительный и слуховой сигналы зависят не только от их качеств, но и от отношения человека к восприятию этих сигналов.

Любой раздражитель – стук в дверь, звонок, вспышка света, запах пищи – привлекает наше внимание. Это все случаи непроизвольного внимания, в основе которого лежит ориентировочный рефлекс «Что такое?» В этих ситуациях человек намеренно не прислушивается к звуку, не

присматривается к вспышке света, не принюхивается к запаху пищи. Если же возникает намеренная направленность нашего внимания, его сосредоточенность на каком-то явлении, значит, имело место проявление нашей воли, и мы имеем дело с произвольным вниманием.

В современной психологии выделяют следующие характеристики внимания:

- внешние реакции, среди которых выделяют моторные, вегетативные, служащие лучшему восприятию сигнала. К ним относят поворот головы, положение глаз, мимику и позу сосредоточения, задержку дыхания;

- сосредоточенность при выполнении определенной деятельности. Легкая отвлекаемость посторонними вещами, усталость могут повлечь за собой снижение внимания;

- повышение продуктивности когнитивной и исполнительной деятельности. Речь идет об эффективности произвольности внимания по отношению к действию (перцептивному, мнемическому, мыслительному, моторному);

- избирательность (селективность) в отношении информации. Этот критерий подразумевает возможность активно воспринимать, запоминать, анализировать лишь часть полученной информации, а также реагировать только на ограниченный круг внешних сигналов;

- ясность и отчетливость. Данный критерий был выдвинут психологией сознания. Все поле сознания делится на фокальную область и периферию. Единицы, находящиеся в фокальной области сознания, представляются четкими и ясными, а содержания периферии сознания трудно неразличимы и сливаются в неопределенные формы. Такое представление сознания возможно как при восприятии объектов, так и при воспоминаниях и размышлениях (Амосова, 1989: 243).

Не все феномены внимания связаны с сознанием. Известный русский психолог Н.Н. Ланге выделял объективную и субъективную стороны

внимания. Он считал, что в нашем сознании существует как бы одно ярко освещенное место, удаляясь от которого психические явления темнеют или бледнеют, и все менее сознаются. Внимание, которое рассматривается объективно, является не чем иным, как относительным господством данного представления в данный момент времени; субъективно это значит быть сосредоточенным на этом впечатлении (Смит, 1998: 225).

Внимание, как психический процесс нашло свое отражение в пословице:

Appearances are deceitful. – Внешности – лживы. Ср. *Наружность обманчива. Не гляди на лицо, гляди на обычай. Лицом хорош, да душой непригож.*

Требуется обратить большое внимание на конкретного человека, чтобы понять, каков он на самом деле. Он может быть приятен снаружи, но поступки говорят о другом. Значение «говорить неправду» становится причиной метафорического переноса в отношении внешнего вида человека.

Также внимания и осмотрительности требует принятие важного решения, важного шага, отсюда и пословица:

Look before you leap. – Смотри, прежде чем прыгать. Ср. *Не зная брода, не суйся в воду.*

Значение «прыгать» благодаря метафоре получает значение «любая деятельность».

Отсутствие внимания, обдумывания приводит впоследствии к сожалениям, раскаяниям, о чем информирует пословица:

Marry in haste, repent at leisure – Жениться в спешке – сожалеть на досуге. Ср. *Жениться – не воды напиться. Женился на скорую руку, да на долгую муку.*

Невнимательность, спешка имеют отрицательную коннотацию в английской национальной картине мира:

More haste, less speed. – Больше спешки – меньше скорость. Ср. *Поспешишь – людей насмешишь. Тише едешь – дальше будешь.*

К вниманию и осторожности призывает пословица:

Speak softly and carry a big stick. – Говори тихо и носи большую палку. Ср. *Мягко стелет, да жестко спатъ.*

Метафорические образы, связанные с тихой речью и необходимостью иметь при себе большую палку, информируют о возможном применении силы в отношении другого человека (не обязательно физической).

Воображение. Воображение определяют как психический процесс создания образов новых предметов и явлений путем оживления в мозгу человека различных представлений в новых сочетаниях, т.е. преобразования представлений о реальности. Воображение дополняет восприятие объекта элементами прошлого опыта, собственными переживаниями, преобразует прошлое и настоящее, используя обобщения, соединения чувств, ощущений, представлений.

Продуктом или результатом процесса воображения становятся образы воображения. Они могут возникнуть в соответствии с инструкцией, указаниями другого субъекта, на основе просмотра фотографий, картин, кинофильмов, прослушивания музыкальных произведений, восприятия отдельных звуков и шумов, или посредством описания какого-либо события, вещи, персонажа, или по ассоциации с чем-либо. Один этот перечень способов производства образов воображения доказывает его тесную связь с другими психическими процессами, имеющими образную природу (ощущением, восприятием, памятью, представлениями, мышлением).

Воображение имеет в своей основе прошлый опыт, и поэтому образы воображения всегда вторичны, они имеют свое происхождение в ранее пережитом, воспринятом, прочувствованном. Но в отличие от процессов памяти в ситуации с воображением не стоит задача сохранения или точного воспроизведения информации. В воображении накопленный ранее трансформируется (обобщается, комбинируется, дополняется, приобретает новую эмоциональную окраску) (Даль, 2006: 278).

В отличие от мыслительных образов (понятий, суждений, умозаключений) при использовании воображения снижается функция контроля. Воображение в основном протекает свободно, потому что оно не имеет своей задачей оценку правильности того, что производит сознание или подсознание.

Многие исследователи в качестве отличительного признака процесса воображения указывают новизну. Тем не менее, следует отметить, что новизна в случае с воображением будет не абсолютным, а относительным понятием. Образ, нарисованный воображением, будет новым по отношению к ранее увиденному, услышанному, воспринятому в какой-то период времени или в какой-то ситуации, в подходе к трактовке понятия или термина. В творчестве человека эта новизна присутствует в большей степени, при воссоздающем воображении – в меньшей степени.

У воображения есть общие корни с представлением: их роднит наглядность образов, они связаны с определенными анализаторами (зрительными, слуховыми, тактильными, вкусовыми).

К основным функциям воображения относят:

- Целеполагание – в воображении возникает будущий результат деятельности, он присутствует только в сознании человека и направляет его активную деятельность на достижение желаемого.
- Предвосхищение (антиципация) – человек моделирует будущее (положительные или отрицательные последствия, ход взаимодействия, содержание ситуации), используя обобщение элементов из прошлого опыта и путем установления причинно-следственных связей между его элементами; будущее создается в воображении из прошлого.
- Комбинирование и планирование – создание образа желаемого будущего с помощью соотнесения воспринятых элементов из прошлого опыта с результатами аналитико-синтетической деятельности сознания.
- Замещение действительности – когда человек лишается возможности реально действовать или находиться в определенной ситуации,

тогда силой своего воображения он переносится в эту ситуацию, совершает действия в своем воображении, замещая тем самым реальную действительность воображаемой.

- Проникновение во внутренний мир другого человека – такое возможно в результате восприятия описания или демонстрации картины пережитого (переживаемого в данный момент времени) другим человеком. Воображение делает возможным приобщение к чужому внутреннему миру; эта функция воображения делает возможным понимание и межличностную коммуникацию (Захарова, 1999: 114).

Таким образом, воображение выступает как неотъемлемая часть человеческой жизнедеятельности, социального взаимодействия и познания.

Пословица, отражающая психический процесс воображения:

As the fool thinks, so the bell clinks. – Дурак думает, что стоит ему захотеть, и колокол зазвонит. Ср. *Дуракам закон не писан. Дуракам закон не писан, если писан – то не читан, если читан – то не понят, если понят – то не так.*

В этой ситуации воображение человека порицается как вводящее его в заблуждение. Смысл не придумывай себе того, чего не может быть. В противном случае – ты глуп.

Подобное значение передает и другая английская пословица:

We soon believe what we desire. – *Мы охотно верим тому, чего желаем.*

Воображаемые желания могут стать причиной заблуждения человека. Народная мудрость призывает смотреть разумно на происходящее в окружающем мире, не принимать желаемое за действительное. Образное значение с тем же смыслом имеет пословица:

Beauty is in the eye of the beholder. – Красота в глазах смотрящего. Ср. *Кому и кобыла невеста.*

Дословное значение информирует о том, что наблюдатель воображает, что то, что он видит красиво. Интерпретирующее значение пословицы

состоит в том, что в конкретной ситуации возможно ее употребление для передачи смысла «не верь глазам своим».

Положительная коннотация в отношении воображения как творческого процесса нашла свое отражение в пословице:

Failing to plan is planning to fail. – Не планировать значит планировать проиграть. Ср. *Кто не планирует свою победу, тот планирует чужую.*

В выражении придается большое значение такой функции воображения как планирование. Формируется интерпретирующее значение «планирование важно для всех видов деятельности».

Функция воображения – комбинирование также нашла свое выражение в английской пословице:

The more things change, the more they stay the same. – Чем больше вещи меняются, тем больше остаются прежними. Ср. *Все новое – хорошо забытое старое.*

В дословном значении передается смысл «создание нового объекта с помощью элементов из прошлого опыта».

2.4. Эмоции и чувства в английских поговорках

Все люди испытывают душевные переживания и волнения, но не все умеют их называть и выражать в словах. А ведь именно знание того, какие бывают чувства, помогает не только правильно определять, но и контролировать, управлять ими. Люди в быту и некоторые психологи употребляют слова «чувства» и «эмоции» как слова-синонимы. Другие говорят что чувства – вид эмоций, а именно высшие эмоции. Третьи разделяют эти понятия: эмоции относят к классу психических состояний, а чувства к психическим свойствам.

Да, между ними есть прямая взаимосвязь, ведь они являются переживаниями человека. Без душевных волнений индивид бы не жил, а существовал. Они наполняют жизнь смыслом, делают ее разнообразной.

Но все же между чувствами и эмоциями есть существенные отличия:

- Эмоции – врожденные и инстинктивные реакции организма на изменения окружающей среды, чувства – социальные, развитые в процессе воспитания и обучения переживания. Чувствовать человек учится, выражать эмоции все умеют с момента рождения.

- Эмоции сложно контролировать усилием воли, чувствами легче управлять, несмотря на их сложность и неоднозначность. Их большая часть возникает у человека в сознании, эмоции часто не осознаются, так как связаны с необходимостью удовлетворить инстинктивную потребность.

- Чувство меняется, развивается и угасает, варьируется по силе, по-разному проявляется, может перерасти в свою противоположность, эмоция – определенная реакция. Например, если человек испытывает ненависть к другому лицу, не исключено что это переживание перерастет в любовь, а эмоция страха всегда страх, независимо от объекта (она может быть и беспричинной). Страх либо есть, либо его нет.

- Эмоции не имеют предметной соотнесенности, чувства – имеют. Они переживаются по отношению к чему-то или кому-то по-разному. Например, любовь к ребенку не то же самое, что любовь к супругу. А к примеру, недоумение всегда выражается одинаково вне зависимости от того что конкретно его вызывает.

- Чувства – более сильный мотиватор, чем эмоции. Они побуждают, вдохновляют, толкают на совершение поступков в отношении объекта, на который они направлены. Эмоции лишь рождают действия в виде ответных реакций.

- Эмоции – непродолжительные и поверхностные, хоть и яркие проявления, а чувства всегда сложные и сильные душевные волнения.

Бывает сложно определить, когда сочетание эмоций породит чувство, и какое высшее переживание выражается в той или иной череде эмоциональных проявлений. Это близкие, сопутствующие друг другу явления, но все же их нужно различать.

Язык, как инструмент познания мира, хранения, накопления и передачи сведений об окружающей действительности, репрезентирует, естественно, и эмоции. Языковое оформление знаний об эмоциях осуществляется с помощью различных единиц, каждая из которых в силу своей природы передает эмоции по-разному.

Существование в языках разноуровневых и разностатусных средств вербализации эмоций предопределяется сложностью и важностью уникального фрагмента картины мира, каким является психоэмоциональная сфера, а также разнообразием задач, стоящих перед человеком при описании мира.

Пословицы, будучи законченными предложениями, вербализуют взгляд на эмоции сквозь призму понимания их обществом, понимания, сложившегося на основе многовекового опыта.

Таким образом, далее мы рассмотрим пословицы с точки зрения эмоции и чувств. Существует множество различных классификаций эмоций, но мы обратимся к типологии Американского психолога Пола Экмана, который выделил семь базовых эмоций:

1. радость;
2. гнев;
3. страх;
4. удивление;
5. стыд;
6. отвращение;
7. презрение.

Радость. Прежде всего, необходимо отметить, что пословиц о радости и о позитивных эмоциях гораздо меньше «печальных». Объясняется это тем,

что радость мы воспринимаем как должное, способствующее человеческой деятельности и только частично хотим что-то исправить в проявлении этого эмоционального состояния, чтобы подчеркнуть его значимость.

Большинство пословиц и поговорок, выражающих информацию о положительном эмоциональном состоянии, содержат слова-номинанты эмоций. Доминирующим словом в русском пословично-поговорочном корпусе является счастье и его дериваты, затем следуют хороший и радость. В английских пословицах и поговорках примерно равно в количественном отношении употребляются **pleasure, good, fortune, joy**.

Английское **happiness** обнаружилось в одной пословице. Кроме того, при различных видах перевода английских пословиц и поговорок на русский язык (аналоги, эквиваленты, описательный перевод) то содержание, которое передается в английском языке разными словами, может покрываться русским словом счастье. Приведем примеры:

Fools have fortune. – Дуракам счастье. Ср. *Дуракам везет.*

He dances well to whom fortune pipes. – Хорошо пляшет тот, кому судьба подыгрывает. Ср. *Кому счастье служит, тот ни о чем не тужит.*

Unlucky in love, lucky at play. – Несчастлив в любви – счастлив в игре. Ср. *Не везет в картах – повезет в любви.*

Better be born lucky than rich. – Не родись богатым, а родись счастливым. Ср. *Не родись красивой, а родись счастливой.*

Возможно, это позволяет сделать вывод о том, что в русском языковом сознании счастье приобретает некий глобальный, обобщенный смысл, которым наделяется множество ситуаций и в котором определенным является только то, что это состояние со знаком «плюс». Поскольку пословицы и поговорки характеризуются образностью, то можно проследить, с какими образами связаны положительные состояния в сознании носителей русского и английского языков.

Следует отметить, что в этом отношении большого отличия не наблюдается. Так, и в русских, и в английских пословицах и поговорках обнаруживается ассоциация психологических состояний с вкусовыми ощущениями: положительное состояние связывается со вкусом сладкого, отрицательное – со вкусом горького.

Например:

Honey is sweet, but the bee stings. – Мед сладок, да пчелка жалит. Ср. *Ложка дегтю в бочку меда.*

Приведем примеры, иллюстрирующие связь с другими образами:

A full cup must be carried steadily. – Полную чашу нужно нести осторожно.

В русском языке также существует выражение полная чаша.

Не твоя чаша, не тебе и пить.

Drunken days have all their tomorrows. – У пьяных дней есть свое завтра. Ср. *Пьяный скачет, а проснулся, плачет.*

Ассоциирование эмоционального состояния с погодными условиями характеризует языковое сознание англичан.

Нельзя отрицать, что эта характеристика присуща и русским. Однако это не находит такого яркого отражения в русских пословицах, как в английских.

Например, для следующей английской пословицы трудно подобрать русскую пословицу, в которой бы полностью или хотя бы частично сохранялась образная основа:

If there were no clouds, we should not enjoy the sun. – Если бы не было туч, то мы не ценили бы солнце.

Можно отметить и другие расхождения в образной основе пословиц.

Так, аналогом английской пословицы:

Every day is not Sunday. – Не каждый день воскресенье. Ср. *Не все коту масленица.*

Как можно заметить для передачи одной и той же мысли в двух языках задействованы разные образы. Носители обоих языков подчеркивают важность радости, которая наполняет сердце:

It's a poor heart that never rejoices. – Бедное то сердце, которое никогда не радуется. Ср. *Сердце без радости, что дом пустой. Кто умеет веселиться, тот горя не боится.*

Кроме того, иллюстративными являются следующие пословицы:

Life is not a bed of roses (life is not all beer and skittles). Жизнь – не ложе из роз (жизнь – не только пиво и кегли). Ср. *Нет худа без добра.*

There is no pleasure without pain. – Нет удовольствия без боли. Ср. *Нет розы без шипов.*

After a storm comes a calm. – После бури наступает затишье. Ср. *Слезы – что гроза: потекут, да и обсохнут.*

И русские, и англичане призывают смеяться не над другими, а над собой:

He is not laughed at that laughs at himself first. Ср. *Нет лучше шутки, чем над собой.*

Англичане всегда любят, посмеются над собой. Как над своими личными качествами, так и над национальными, что является их специфической национальной чертой.

Человек весел, если за его душой нет никаких аморальных поступков. В обоих языках одобряется честность:

A good conscience is a continual feast. – Чистая совесть – праздник. Ср. *Чистая совесть душу веселит.*

Когда у человека радость, вокруг него много друзей; в беде же друзья часто покидают потерпевшего:

Рассмотрим еще одну составляющую эмоциональных концептов – оценку. В английских и русских пословицах и поговорках находит отражение информация об отношении носителей языка и культуры к эмоциональным

состояниям, о фактах действительности, которые вызывают положительные эмоциональные состояния, о субъекте-носителе эмоции. В целом, передача этой информации характерна как для русских, так и для английских паремий.

Отличия заключаются в том, какие идеи представлены репрезентативно. Так, в русских пословицах не единожды представлена идея о большей значимости духовного по сравнению с материальным:

Не в деньгах счастье. Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив.

Не родись ни хорош, ни пригож, а родись счастлив.

Счастье оценивается даже выше правды:

Правда хорошо, а счастье лучше.

Такая оценка определяет социально приемлемые эмоции и, соответственно, поведение в определенных ситуациях:

Не будь гостю запасен, а будь ему рад.

Причем ценится определенное отношение в нужный момент или то, что сделано вовремя:

Дорого яичко к великому дню.

Среди английских пословиц и поговорок количественно наиболее представлены те, в которых положительные и отрицательные состояния оцениваются как временные, неизбежно сменяющие друг друга; чтобы испытать одно, нужно пережить другое.

Таким образом, эмоциональные концепты могут получать языковую репрезентацию с помощью пословиц и поговорок. Сопоставительный анализ репрезентации концептов положительных эмоциональных состояний в русских и английских пословицах и поговорках показывает культурологическую общность передаваемой информации. Национальная специфика проявляется в расстановке акцентов, т.е. в том, какая информация обладает большей коммуникативной значимостью.

Гнев. Сложно представить себе человека который никогда не испытывал бы гнев. В современном мире мы сталкиваемся с большим количеством раздражителей, которые заставляют терять контроль над своими

эмоциями. Психологи выделяют главную причину гнева – это агрессию, которая возникает на какой-либо внешний раздражитель.

Почти все народы крайне негативно относятся к проявлению гнева, не стали исключением и носители русского и английского языка. Этому свидетельствует большое количество пословиц осуждающих гнев, считая его кратковременной потерей контроля над собой и своими чувствами:

Anger is a short madness. – Гнев – недолгое безумие. Ср. *У огня не бывает прохлады, у гнева рассудка.*

Пословицы учат не принимать решений в гнев, особенно не наказывать:

В гневе не наказывай: гнев – плохой советчик.

Пословицы одобряют умение преодолеть гнев, преодоление укрепляет человека и показывает его силу духа:

Господин гневу своему – господин всему; Кто гнев одолевает, крепок бывает.

Let not the sun go down on your wrath. Чем мудрее человек, тем сдержаннее он в гнев:

Храбрый узнается на войне, мудрый в гнев, друг в беде. Пользы от гнева никакой: Сердцем и соломинки не переломишь.

В пословицах даются советы противодействия гнев:

A soft answer turns (turneth) away wrath. – Мягкий ответ охлаждает гнев. Ср. *Покорное слово гнев укрощает.*

Таким образом, можно сделать вывод о том, что словом можно не только обидеть, но и приободрить человека.

Называются также и конкретные действия, которые помогают справиться с гневом:

When angry, count a hundred. – Когда сердись, сосчитай до 100.

Такой метод успокоения считается действенным и по сей день, так как пока человек считает, он успокаивается и забывает причину гнева.

В пословицах утверждается, что сердитым достается в жизни:

Two to one in all things against the angry man. Ср. *На сердитых воду возят.*

Русские пословицы о гневе более эмоциональны, как и сами русские: Такое сердце взяло, что сам бы себе язык перекусил; что показывает нам, что носители русского языка более вспыльчивы, экспрессивнее, им характерно делиться со своими проблемами с окружающими. Результатом строгого воспитания является и знаменитая английская сдержанность, стремление скрыть эмоции и сохранить лицо.

The least said the soonest mended. – Чем меньше сказано, тем быстрее исправлено – считают англичане.

Принимая гнев как обычное человеческое дело, русские осуждают злопамятство: Гневаться – дело человеческое, а зло помнить – дьявольское. Что свидетельствует о том, что русские люди более возбудимы, но так же им свойственно забывать старые обиды.

Страх. Всем людям свойственен страх. Существует множество пословиц о страхе как у носителей русского, так и английского языка. Также следует заметить, что интерпретация его в обоих языках в большинстве случаев схожа. Русские констатируют, что у страха глаза велики. Пословица опирается на свойство глаз расширяться от страха и выражает преувеличение опасности, обнаружение ее там, где ее нет. У англоязычных народов существует также несколько подобных единиц, в которых для выражения каких – либо эмоций также используются разные образы, такие как глаза, уши, ноги:

Cowards die many times before their death. – Трусы умирают много раз перед своей смертью. Ср. *Герой умирает раз, трус – тысячу раз. Трус пулю затылком ловит, а смелый ее обходит.*

Fear has big eyes. Ср. *У страха глаза велики.*

Необходимо отметить, что правда высоко ценится. Для всех превыше всего правда, и суд бессилен перед ней:

A good anvil does not fear the hammer. – Хорошая наковальня не боится молота. Ср. *Правда суда не боится.*

В пословицах утверждается, что нужно опасаться не того, кто прям и откровенен, а того, кто скрытен, действует исподтишка:

Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает.
Barking dogs seldom bite. – Собака, что лает, редко кусает. Ср. *Бодливой корове бог рог не дает.*

Beware of a silent dog and still water. – Берегись молчащей собаки и тихой воды. Ср. *В тихом омуте черти водятся.*

Dumb dogs are dangerous. – Молчаливые собаки опасны. Ср. *Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой. В тихом омуте черти водятся*
Опасность отступает, если человек действует не в одиночку:

То не страх, что вместилах, а сунься-ка один; Друг за друга держаться – ничего не бояться.

Пословицы учат не бояться предстоящих опасностей, которые могут оказаться не такими уж страшными:

The lion is not so fierce as he is painted. Ср. *Не так страшен черт, как его малюют.*

Не боится тот, у кого ничего нет, ему нечего терять:

The beggar may sing before the thief (the footpad). – Нищий может петь в лицо вору. Ср. *Голый – что святой: беды не боится.*

Боится только тот человек, которому есть что терять:

A great fortune is a great slavery. – Большое состояние – большое рабство. Ср. *Богатому не спится – богатый вора боится.*

Необходимо отметить, что пословицы предупреждают, что друг может оказаться опаснее врага:

Бойся друга как врага.

False friends are worse than open enemies. – Фальшивые друзья хуже явных врагов. Ср. *Друг до поры – хуже недруга.*

Русские верят в судьбу, что и регистрируют пословицы:

Бойся не бойся, а от участи своей не уйдешь.

Также необходимо отметить что, русские смелый народ, о чем свидетельствует нам такие пословицы, которые советуют глядеть страху в глаза, и он отступит: *Гляди прямо страху в глаза – и страх смигнет.*

В пословицах проявляется наблюдательность русского человека и умение анализировать определенные ситуации, делать выводы. Так, утверждается, что хорошо знакомое не страшно: *Мышь копны не боится.*

Угроза может исходить от животного и человека, но самую большую опасность следует ожидать от человека:

Козла бойся спереди, коня сзади, а человека со всех сторон.

Аналогичный пример, мы можем увидеть и в английском языке:

Take heed of a ox before, of a horse behind, of a monk on all sides. –

Быка бойся спереди, коня сзади, а монаха со всех сторон. Ср. *Козла бойся спереди, коня сзади, а человека со всех сторон.*

В представленной паремии обнаруживается совпадение внутренней формы и значения.

Примерами несовпадения внутренней формы и значения могут быть следующие паремии: *Быстрая лошадь скорее станет.*

Знание о том, что излишняя поспешность может навредить, имеет непосредственное отношение к человеку, а ситуация, описанная во внутренней форме пословицы и включающая лексему «лошадь», является лишь частным конкретным проявлением этого обобщенного знания.

Следует отметить, что не все поговорки связанные с эмоцией страха, несут только негативный характер:

Fear gives wings. Ср. *Испуганный зверь далеко бежит.*

Которые показывают нам, что наша жизненная позиция зависит от нашего отношения к страху. Страх может стать препятствием, или же, напротив, быть мотивацией к движению. Выбор остается за нами.

Стыд. В обоих языках имеются пословицы о стыде. Носители языков утверждают, что стыд можно стерпеть, он не столь опасен:

The cat shuts its eyes when stealing (while it steals) cream. – Воруя сметану, кошка закрывает глаза. Ср. *Знает кошка, чье мясо съела.*

Из этого следует, что и русским англичанам свойственно закрывать глаза на свои прегрешения.

Но одними из главных свойств русской души является совесть. Стыд и совесть у русских взаимосвязаны:

В ком стыд, в том и совесть; Есть совесть, есть и стыд, а стыда нет, и совести нет.

Англичане полагают, что этих двух понятий уже давно не существует, совесть и стыд были давно повешены:

Conscience was hanged long ago. – Совесть давно изменилась.

В пословицах обсуждается бедность, русские и англичане считают, что:

Poverty is not a shame, but the being ashamed of it is. – Бедность – не позор, но стыдиться ее – позорно. Ср. *Бедность не порок, а несчастье.*

У русских пословиц о стыде больше в силу большей открытости, совестливости русских. Нарушение каких-то норм русские переживают болезненнее, обсуждают миром и порицают. Для русских стыд (позор) та же смерть. И все же они понимают, что каждый человек в жизни испытывает стыд: Без стыда лица не износишь.

Хотя русские и англичане не считают бедность позором, но у русских острее пропасть между богатством и нищетой, о чем свидетельствует пословица: И двери богатых стыдятся нищих.

Русские предпочитают быть бедными, но честными: Лучше бедность да честность, чем прибыль и стыд. Англичане умалчивают об этом.

Эмоциональное состояние, являющееся самонаказанием за нарушение существующего правопорядка, этических, моральных или религиозных предписаний, толкуется как вина или грех. Эмоция вины влечет за собой раскаяние. Вина, грех, покаяние – все это в пословицах обоих языков. Особенно много пословиц о грехе у русских, как традиционно верующих, эмоционально переживающих свои прегрешения.

Русские и английские пословицы утверждают, что все имеют грехи:

Many without punishment, none without sin. Ср. *Все мы не без греха.*

Но русских пословиц подобного содержания больше:

Нет такого человека, чтоб век без греха прожил; И мертвый человек греха не миновал.

Русские убеждены, что один бог без греха. И в русских, и в английских пословицах содержится совет не грешить:

Repentance is good, but innocence is better. Ср. *Каяться кайся, да лучше не греш.*

Пословицы говорят о том, что русские и англичане предпочитают жить в бедности, нежели в грехах:

A good name is better than riches. – Доброе имя лучше богатства. Ср. *Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом.*

Русскому эмоциональному человеку свойственна противоречивость в оценке вины. Есть пословицы с прямо противоположным смыслом. В одних выражается строгое отношение к виноватому человеку, а в других утверждается, что не всякая вина виновата: *Всякая вина виновата. Не всякая вина виновата.* Пословицы призывают признавать вину, каяться и тут же подсказывают – не признавайся: *Знать не знаешь, так и вины нет.*

Общество может скрывать виноватого. Виноватого не всегда можно найти: *Не о том речь, что виноватого сечь, а о том, где он.*

Русские требуют не наказывать невиновного, не перекладывать на него чужую вину: *Не бей Фому за Еремину вину; Кто правого винит, тот сам себя язвит.*

И, конечно, осуждается пьянство, что стало уже стереотипом для русской нации. А стереотипы в свою очередь – это устоявшееся отношение к происходящим событиям, которое не могло возникнуть на пустом месте, что является характерной чертой свойственной русской нации:

Невинно вино, а виновато пьянство. Счастлив тот, кто вина не пьет.

Drunkenness reveals what soberness conceals. Ср. *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.*

Также в англоязычных пословицах принятие алкоголя свидетельствует, что пьянство выдает то, что трезвость скрывает.

Англичане – законопослушные граждане, они не оправдывают преступления и стремятся к тому, чтобы возмездие соответствовало вине, чему свидетельствует следующая поговорка:

Crime doesn't pay. – Преступление никогда не оправдывается.

Презрение и отвращение. Немногочисленны пословицы с презрением, единичны с отвращением, так как, презрение и отвращение – не является нормой межличностных отношений. Презрение возникает к человеку, чем-то отличающемуся от собственных представлений о правильности, норме:

A sow is no match for a goose; Oil and water don't mix. Ср. *Гусь свинье не товарищ; Волк коню не товарищ.*

С презрением говорят о тех, кто взялся судить о чужих поступках, хотя у самого совесть не чиста:

The pot calling (calls) the kettle black! The devil rebuking sin. Ср. *Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала.*

Презирают тех, кто пытается попасть в какое-то общество, имея качества, которые не свойственны для членов этого общества: Лезет в волки, а хвост собачий. Презрение связано с чувством превосходства; пословицы запрещают представителям низших социальных слоев судить о том, что выходит за пределы их образа жизни:

Those that live in glass houses should not throw stones. Ср. *На рогожке сидя, о соболях не рассуждают.*

Человек нечасто испытывает отвращение к другому и далеко не всегда демонстрирует свое отвращение, поэтому пословицы, интерпретирующие отвращение, единичны у русских и практически отсутствуют у англоязычных носителей языка.

Удивление. Кратковременным внезапным эмоциональным состоянием является удивление. Характер этой эмоции противоречит духу пословиц. В них отражен многовековой опыт, а эта реакция мгновенна. Таким образом, ее трудно предугадать, а тем более направить в нужное русло. Это объясняет такое немногочисленное количество пословиц с такой эмоцией как – удивление.

Необходимо отметить, что чувства также находят отражение в пословицах русского и английского языка.

Принято выделять следующие виды чувств:

- моральные;
- интеллектуальные;
- эстетические.

Моральные, или нравственные чувства – это чувства, в которых проявляется отношение человека к поведению людей и своему собственному (чувства симпатии и антипатии, уважения и презрения, а также чувства товарищества, долга, совести и патриотизма).

Данные чувства переживаются людьми в связи с выполнением или нарушением принятых в данном обществе принципов морали, которые определяют, что нужно считать во взаимоотношениях людей хорошим и дурным, справедливым и несправедливым.

A broken friendship may be soldered, but will never be sound. –

Сломанная дружба может быть спаяна, но никогда уже не будет прочной. Ср. *Замиренный друг ненадежен.*

Patched up friendship seldom becomes whole again. –

Заштопанная дружба не станет целой. Ср. *Заштопанная дружба не станет целой.*

Reconciled friendship is a wound ill salved. – Дружба после примирения – незалеченная рана.

Все эти пословицы описывают дальнейшую дружбу после серьезной ссоры и предательства, говоря о том, что если однажды человек, уже злоупотребил доверием, то может пойти на такой шаг снова, поэтому очень тяжело «переступить через себя», чтобы снова начать доверять. Такая сломанная дружба уже никогда не будет прочной. Ведь после предательства можно простить, но никогда больше не получится доверять человеку, как прежде.

Friendship is not to be bought at a fair. – Друга не сторгуешь на ярмарке. Ср. *Дружбу за деньги не купишь.*

Friendship and importunate begging feed at the same dish. – Дружба и назойливое попрошайничество неразрывно связаны. Ср. *Дружба – дружбой, а служба – службой.*

A friend in need is a friend indeed. – Друг в беде есть настоящий друг. Ср. *Друг познается в беде.*

The rich knows not who is his friend. – Богач не знает, кто его друг. Богатые не ведают, кто их друзья.

Данные пословицы рассматривают и сравнивают понятие дружбы и денег. Настоящим другом станет тот, с кем прожил бок о бок многие годы, с которым есть, что вспомнить, о чем поплакать и над чем посмеяться. Очень трудно найти настоящих друзей, которые готовы через все с тобой пройти и остаться рядом на долгие годы. Богатый человек не может быть до конца уверен, что те люди, которых он называет своими друзьями, не отвернутся от него, если он потеряет свой статус и достаток.

А дружба словно деньги, ее так же сложно сохранить, как не потратить имеющиеся денежные накопления. Но порой даже самая прочная дружба не выдерживает испытания деньгами.

A man is known by the company he keeps. Ср. *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.*

Эта пословица изначально была цитатой из древнегреческого драматурга Еврипида – **Every man is like the company he is wont to keep**, которая со временем упростилась и стала универсально обозначать то, что на человека огромное влияние оказывает его ближайшее окружение. Этому посвящена еще одна поговорка:

If you lie down with dogs, you will get up with fleas. – Если ты ложишься с собаками, будь готов, что встанешь с блохами. Ср. *С кем поведешься, от того и наберешься. С волками жить – по-волчьи выть.*

Эта пословица вошла в обиход из сочинений Бенджамина Франклина, который в свою очередь позаимствовал изречение у Сенеки, чтобы подчеркнуть, что, попав в «плохую компанию», можно не только испортить свою репутацию, но и перенять от друзей ложные ценности и дурные привычки.

Интеллектуальные чувства возникают в процессе умственной деятельности и связаны с познавательными процессами. Они отражают и выражают отношение человека к своим мыслям, к процессу познания, его успешности и не успешности, к результатам интеллектуальной деятельности. Мотивационное состояние в человеческой деятельности определяется как интерес. Так как пословицы несут в себе обычно назидание, то, естественно, интерес в них фиксируется редко.

К интеллектуальным чувствам относят: любопытство, любознательность, удивление, уверенность, неуверенность, сомнение, недоумение, чувство нового.

В пословицах сравнивается деятельность по желанию с деятельностью по необходимости и утверждается, что желание предопределяет большой успех:

Desire has no rest. Desire is stronger than compulsion. – Желание сильнее принуждения. Ср. *Охота пуще неволи.*

Может быть желание сильным, но возможности его осуществить никакой: Охота смертная, да (а) участь горькая, – так констатируют русские.

А англичане утверждают, что при наличии интереса возможность реализовать его найдется:

Nothing is impossible to a willing heart. – Ничего не невозможно для желающего сердца. Ср. *Была бы охота, а возможность найдется.*

Where there's a will, there's a way. – Где желание – будет и путь. Ср. *Где хотенье, там и уменье.*

В английских пословицах выражается боязнь превращения интереса в страсть, которая может управлять человеком:

Passion will master you, if you do not master your passion. – Если не поборешь страсть, будешь ее рабом.

А русские призывают беречь интерес, если он пропадет по какой-то причине, то вернуть его будет трудно:

Охоту отобьешь – и рублем не возьмешь.

Негативную оценку содержат пословицы о разновидности интереса – любопытства:

Curiosity killed the cat. Too much knowledge makes the head bald. Ср. *Много будешь знать, скоро состаришься; Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.*

Эстетические чувства. Они переживаются в связи с восприятием предметов, явлений и отношений окружающего мира и отражают отношение субъекта к различным фактам жизни и их отображению в искусстве. В эстетических чувствах человеком переживаются красота и гармония (либо, наоборот, дисгармония) в природе, в произведениях искусства, в отношениях между людьми. Эти чувства проявляются в соответствующих оценках и переживаются как эмоции эстетического наслаждения, восторга или презрения, отвращения. Это чувство красивого и безобразного, грубого; чувство величия или, наоборот, чувство трагического и комического.

Untraveled youths have ever homely wits. – Молодежь, не знавшая путешествий, всегда мыслит обыденно и наивно. Ср. *Не тот больше знает, кто дольше жил, а тот, кто дальше ходил.*

Многие покидают родной дом и отправляются навстречу неизведанному с желанием «расширить сознание», составить для себя глобальное понимание мира, и в таком путешествии важно быть максимально внимательным и сконцентрированным на текущем моменте.

Youth likes to wander. – Молодежь склонна к странствиям. Ср. *Перелетный соловей: то на сосну, то на ель.*

В Великобритании неслучайно принято брать «gap year» перед поступлением в университет и посвящать его путешествиям. Пока человек молод, не обременен семейными заботами, он открыт миру и готов переживать не только неудобства в пути, но и неожиданные приключения.

A sound mind in a sound body. – Здоровый дух в здоровом теле. – Ср. *В здоровом теле здоровый дух.*

Наш дух, разум, эмоции и тело работают вместе. Если тело не функционирует должным образом, то и ум. Если душе плохо – то плохо и телу. Всякий недуг влияет не только на организм в целом и его функции, но и на наши чувства.

Выводы по ГЛАВЕ II

На основании проведенного нами анализа мы выяснили, что все психические процессы условно можно разделить на две основные группы: Специфические, или собственно познавательные, процессы, которые представлены ощущением, восприятием и мышлением. Данные психологические процессы формируют наше представление о мире и о себе, посредством органов чувств. Органы чувств человека предназначены для его взаимодействия с окружающим миром. Их у человека пять: орган зрения – глаза; орган слуха – уши; обоняния – нос; осязания – кожа; вкуса – язык. Все они реагируют на внешние раздражители.

Необходимо выделить вторую группу, к которой условно можно отнести неспецифические, т.е. универсальные, психические процессы, к которым относятся память, внимание и воображение. Эти психические процессы представляют собой необходимые предпосылки познания, но сами им не являются. Посредством универсальных психических процессов человек способен сохранять свое «Я» во времени: память удерживает прошлый опыт; внимание опосредует настоящий опыт; воображение предполагает будущий опыт.

Таким образом, пословицы, будучи особой формой презентации знаний об эмоциях, являются ценнейшим источником сведений о человеке, его эмоциональном мире, его менталитете. Уникальная человеческая мысль и уникальное творческое начало живут веками в пословицах, переходя из поколения в поколение.

Русские и англоязычные творцы пословиц различны по духу. Русские эмоциональнее англичан, они несдержанны, выплескивают эмоции наружу. Англичане сдержанны. Образный поэтический строй мышления русских порождает массу пословиц. Склонность к понятийным и однозначным определениям англичан предопределяет ограничение последних.

Взгляд на то или иное состояние человека у англичан и русских, оценка того или иного состояния, той или иной эмоции схожи. Те и другие считают, что без радости пустота в сердце; гнев – кратковременное безумие, преодоление его похвально; страх свойственен всем людям, и всем свойственно преувеличивать опасность; стыд можно стерпеть; все имеют грехи, но раскаявшийся избегает наказания.

Мера и степень проявления эмоций у двух народов различны. Русские эмоциональны. Горюют, впадая в уныние; открыто тоскуют по родине.

Болезненно переживают стыд, они совестливы, неосмотрительны и беспечны, отважны и смелы. Англичане, сдержанные и скрытные, не выставляют свои чувства напоказ, «распрощались» со стыдом и совестью.

Так как английские и русские пословицы создавались в различных общественно-исторических условиях, то в них отражаются некоторые особенности организации социума носителей языка, уклада жизни, а также обычаи, традиции, поверья.

Наличие идентичных пословиц в обоих языках свидетельствует об однотипности отдельных форм образного видения мира человеком независимо от его национальной принадлежности и одновременно о национальном своеобразии в интерпретации увиденного, проявляющемся в лексической организации пословиц – в выборе конкретных наименований.

Анализируя английские пословицы, мы выяснили, что психологические процессы, такие как: ощущение, внимание, речь, память, воображение, мышление, восприятие, находят свое отражение в английских пословицах и поговорках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данного исследования были проанализированы английские пословицы, при этом было установлено, что пословицы и поговорки относятся к фразеологическим единицам языка, а именно к разряду фразеологических выражений. Пословица представляет собой суждение, выраженное в форме предложения и содержащее народную мудрость.

Пословицы рождаются в устном народном творчестве, отражают специфическое национальное мировидение, являются трансляторами культуры.

Психические процессы, в свою очередь, условно делятся в психологии на две большие группы: специфические или собственно познавательные процессы, представленные ощущением, восприятием и мышлением, и неспецифические, т.е. универсальные, психические процессы, к которым относят память, внимание и воображение.

Поскольку содержание психики человека не исчерпывается данными процессами, в диссертации были рассмотрены также и эмоции, которые играют важную роль в жизни человека и влияют на его деятельность.

Для каждого из представленных психических процессов в народной сокровищнице английского языка можно выделить группу пословиц, либо информирующих непосредственно о них, либо имеющих информацию о психических процессах в основе своей семантики.

Данные пословицы свидетельствуют о том, что в английском языке концептуализация психических процессов может иметь выражение на лексико-синтаксическом уровне.

Анализ показал, что эти пословицы являются национально специфическими языковыми репрезентантами концепта ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ.

Интерпретирующее значение пословиц, отражающих психические процессы, возникает благодаря метафоре.

Метафоры образуют реконструируемые концепты. Как правило, происходит перенос с простых представлений на более сложные или новые явления. В качестве источника для образа служат, например, результаты ощущений, полученных из внешнего мира; способность человека сравнивать ощущения, полученные от разных источников; иллюзии апперцепции и т. д.

Речь как инструмент мышления, также находит отражение в пословицах. Эту группу пословиц можно рассматривать как свод правил, предлагаемых народной мудростью носителям языка для общения.

Таким образом, в ходе нашего исследования мы выяснили, что современном английском языке представление о психических процессах может быть концептуализировано на лексико-синтаксическом уровне. В процессе лексическо-синтаксической концептуализации работают когнитивные механизмы интерпретации и фокусирования. Результатом действия когнитивных механизмов является активизация различных характеристик в содержании концепта ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ.

Так же нами было выявлено, что языковая концептуализация психических процессов происходит в процессе речемыслительной деятельности, что предполагает участие дополнительных лингвистических факторов концептуализации, действующих в рамках предложения-высказывания: контекстуального и метафорического.

Концептуализация психических процессов приводит к формированию языкового знания следующего вида: вербализованного знания о них как о сущностях внутреннего мира, отраженного в пословицах, являющихся национально специфическими языковыми репрезентантами концепта ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ.

Таким образом, метафора играет существенную роль в формировании нового смысла, который делает пословицу употребительной в определенном языковом сообществе.

Анализируя английские пословицы, мы выяснили, что психологические процессы, такие как: ощущение, внимание, речь, память, воображение, мышление, восприятие, находят свое отражение в английских пословицах и поговорках. В то время как, не все эмоции человека, были найдены нами в английских пословицах, из-за их кратковременности. Кратковременным внезапным эмоциональным состоянием является удивление. Характер этой эмоции противоречит духу пословиц, так как в них отражен многовековой опыт, а эта реакция мгновенна.

Таким образом, пословицы завоевали постоянное место в словаре каждого языка. Поэтому их нужно принимать во внимание как при овладении иностранным языком, так и при познавательном восприятии окружающего мира. Это сложные лингвистические, когнитивные, культурные и социальные явления, которые, вероятно, никогда не потеряют свою научную привлекательность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1963. – 208 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. – № 1. – С. 37-67.
3. Бегак Б. Пословица не мимо молвится // Дошкольное воспитание. 1985. – № 9. – С. 54-56.
4. Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Вопросы народного творчества. – М.: Искусство, 1971. – С. 369-383.
5. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. – № 1. – С. 5-13.
6. Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2013. – Вып. 15. – С. 12-22.
7. Вавилова Н.С. Еще раз о пословицах // Начальная школа. 1994. – № 3, – С.68-69.
8. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
9. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
10. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140-161.
11. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

12. Захарова М.А. Стратегия речевого использования образных фразеологизмов английского языка. – М.: Инфра-М, 1999. – 205 с.
13. Зимовец Н.В. Матвеева А.А. К вопросу о происхождении английских пословиц и поговорок // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. 2014. – Вып. 4. – С. 49-54.
14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
15. Кирилина А.В. Так ли андроцентричны русские пословицы и поговорки // Реальность, язык и сознание: Межвуз. сб. науч. тр. 1999. – Вып. 1. – С. 97-101.
16. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. – № 1. – С. 37-52.
17. Курбатова Н.И. К вопросу общности метафорической номинации концепта время в английской и русской языковых картинах мира / Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. – № 2. – С. 75-78.
18. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.
19. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. 1971. – Вып 5. – С. 144-166.
20. Лэнекер Р.В. Модель, основанная на языковом употреблении // Вестник Московского университета. 1997. – № 4. – С. 101-123.
21. Маковский М.М. Метаморфозы слова (табуирующие маркеры в индоевропейских языках) // Вопросы языкознания. 1998. – № 4. – С. 151-180.
22. Попова З.Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 8-49.

23. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.
24. Смит Л.П. Фразеология английского языка. – М.: Высшая школа. 1998. – 206 с.
25. Стернин И.А. О соотношении национальной специфики мышления, семантики и языка // IX Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: «Языковое сознание». – М., 1988. – С. 167-169.
26. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. статей. – М., 1998. – С. 55-67.
27. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М., 1985. – С. 129-154.
28. Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса // Семантика безличных предложений. – М., 1999. – 222 с.
29. Тарасов Е.Ф. Язык и культура: Методологические проблемы // Язык. Культура. Этнос. – М., 1994. – С. 105-112.
30. Тарланов З.К. Очерки по синтаксису русских пословиц. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 134 с.
31. Телия В.Н. Внутренняя форма и ее роль в функционировании значения слов и фразеологизмов // Семантика языковых единиц: материалы 3-й межвузовской научно-исследовательской конф. – М., 1993. – С. 55-59.
32. Телия В.Н. Культурно маркированная коннотация языковых знаков как понятие лингвокультурологии // Семантика языковых единиц: материалы 4-ой международной научно-исследовательской конф. – М., 1994. – С. 71-77.
33. Фархутдинова Ф.Ф. Паремиологический вариант концепта ПАМЯТЬ // Лингвистика какая она есть. Лингвистика – какая она будет: Сб. науч. тр. Иваново, 1998. – С. 93-100.

34. Хахалова С.А. Категория метафоричности (формы, средства выражения, функции): автореф. дисс. доктора филол. наук. – М., 1997. – 33 с.
35. Яковлева Е.С. Фрагмент русской языковой картины времени // Вопросы языкознания. 1994. – № 5. – С. 73-89.
36. Arendt Hannah: Myšlení a úvahy o morálce. In: Reflexe, 19/1998, S. 1-26.
37. Arendt Hannah: Myšlenie. Warszawa: Czytelnik, 2002. – 364 s.
38. Baldauf Christa: Metapher und Kognition. Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. Frankfurt a. M.: Lang, 1997. – 409 s.
39. Barthes Roland: Mitologie. Warszawa: Wydawnictwo KR, 2000. – 425 s.
40. Bocheński Joseph Maria: Formale Logik. Freiburg, München: Alber, 1956. – 186 s.
41. Burger Harald: Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2007. – 253 s.
42. Burszta Wojciech J.: Antropologia kultury. Poznań: Zysk i S-ka, 1998. – 199 s.
43. Casmir F.L. Interkulturelle Kommunikation als Prozess // Interkulturelle Kommunikation. – München, Basel, 1998. – S. 15-26.
44. Eco U. Semiotik. Entwurf einer Theorie der Zeichen. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1987. – 439 S.
45. Eco U.: Kant and the Platypus. Essays on Language and Cognition. London: Vintage, 2000. – 201 p.
46. Eliade Mircea: Mit wiecznego powrotu. Warszawa: Wydawnictwo KR, 1998. – 317 s.
47. Fay Brian: Současná filosofie sociálních věd. Multikulturní přístup. Praha: Sociologické nakladatelství SLON, 2002. – 188 s.
48. Gottfried: Einleitung in die allgemeine Metaphysik. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1984. – 211 s.
49. Hołówka Teresa: Myšlenie potoczne. Heterogeniczność zdrowego rozsądku. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1986 – 239 s.

50. Hulzer Heike: Die Metapher. Kommunikationssemantische Überlegungen zu einer rhetorischen Kategorie. Münster: Nodus Publikationen, 1987 – 192 s.
51. Jackendoff Ray: Semantics and Cognition. London: MIT Press, 1983. – 201 p.
52. Kajfosz Jan: O relacyjnym i wielowarstwowym charakterze obrazu świata. In: Literatura ludowa. Nr. 4-5 (47). Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2003a. – S. 49-53.
53. Kajfosz Jan: Themenbereiche der gegenwärtigen Semiotik. Mit Bezug auf den sprachlich-kulturellen Relativismus. In: Zeitschrift der Germanisten Rumäniens, Jahrgang 11–12, Heft 1-2 (21-22)/2002, 1-2(23-24)/2003. Bucuresti: Paideia, 2003b. – S. 9-11.
54. Kalaga Wojciech: Mgławice dyskursu. Kraków: Universitas, 2001. – 201 s.
55. Krąpiec Mieczysław Albert: Język i świat realny. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1985. – 249 s.
56. Krzyżanowski Julian: Szkice folkorystyczne, Bd.3. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1980. – S. 23-29.
57. Kwaśnica Robert: Rzeczywistość jako byt sensu. Teza o językowym tworzeniu rzeczywistości. In: Język a kultura. Bd. 1. Podstawowe pojęcia i problemy. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1991. – S. 17-25.
58. Labocha Janina: Tekst autobiograficzny jako pewna wizja świata. In: Język a kultura. Bd. 13. Językowy obraz świata i kultura. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. – S. 58-63.
59. Lakoff George: Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
60. Lakoff George; Johnson Mark: Metaphors We Live. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 191 p.

61. Lakoff George. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. Chelsea Green Publishing, 2004. – 124 p.
62. Libert Wolf-Andreas: Metaphernbereiche der deutschen Alltagssprache. Kognitive Linguistik und die Perspektiven einer Kognitiven Lexikographie. Frankfurt a. M.: Lang, 1992. – 198 s.
63. Lippmann Walter: Public opinion. New York: Harcourt, Brace and Co., 1922. – 309 p.
64. Maćkiewicz Jolanta: Kategoryzacja a językowy obraz świata. In: Bartmiński, Jerzy (Hrsg.): Językowy obraz świata. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marie Curie-Skłodowskiej, 1999a. – S. 17-23.
65. Maćkiewicz Jolanta: Wyspa; językowy obraz wycinka rzeczywistości. In: Bartmiński, Jerzy (Hrsg.): Językowy obraz świata. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marie Curie-Skłodowskiej, 1999b. – S. 36-41.
66. Norden Magnus: Logische Beziehungskonzepte und Inferenzprozeduren. Zu einer semantisch-kognitiven Theorie der verbalen Idiome im Deutschen. Universitetet i Umeå. 1994. – 257 s.
67. Pokorný Petr: Píseň o perle. Tajné knihy starověkých gnostiků. Praha: Vyšehrad, 1986.
68. Roos, Eckhard Idiom und Idiomatik. Ein sprachliches Phänomen im Lichte der Kognitiven Linguistik und Gestalttheorie. Aachen: Shaker, 2001: – 179 s.
69. Sapir Edward: Kultura, język, osobowość. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1978. – 249 s.
70. Sanders G. A. Equational rules and rule functions in syntax // Current approaches to syntax. N. Y. etc.: Acad. Press, 1980. P. 231-266.
71. Schwarz, Monika: Einführung in die Kognitive Linguistik. 3., vollständig überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen: A. Francke. 2008. – S. 18-21.
72. Weisgerber Leo: Muttersprache und Geistesbildung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1929. – 271 s.

73. Weisgerber Leo: Das Problem der inneren Sprachform und seine Bedeutung für die deutsche Sprache. In: Gipper, Helmut (Hrsg.): Zur Grundlegung der ganzheitlichen Sprachauffassung. Düsseldorf: Schwann, 1964a. – S. 28-31.
74. Weisgerber Leo: Die Zusammenhänge zwischen Muttersprache, Denken und Handeln. In: Zur Grundlegung der ganzheitlichen Sprachauffassung. Düsseldorf: Schwann, 1964b. – S. 40-42.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Спб.: Диамант, 1998а. – 544 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка: В 4-х томах. – М.: Цитадель, 1998б. – 11465 с.
3. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. – М.: Рипол Классик, 2006. – 549 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. – М.: АСТ, 2005. – 693 с.
5. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.
6. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2001. – 502 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: ОНИКС, 2006. – 736 с.
8. Райдаут, Р., Уиттинг, К. Толковый словарь английских пословиц. – СПб: Лань, 1997. – 256 с.
9. Маргулис А., Холодная А. Русско-английский словарь пословиц и поговорок (Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings). – London: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2000. – 487 с.
10. The Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford University Press Inc. Jennifer Speake, 2008. – 625p.